

Властелина Богатова

Ведьма для Чудовища. Часть-2

«Литнет»

2020

Богатова В.

Ведьма для Чудовища. Часть-2 / В. Богатова — «Литнет», 2020

Я вернула своего маленького брата и теперь мне предстоит путь в далёкие земли, где меня не найдут. Даже он. Чудовище, пробудившее во мне запретное. Он преследует меня в мыслях, прожигая сумрачным холодным взглядом, заставляя гореть в собственном костре. Но разве я знала, что кошмар вскоре станет явью?!

© Богатова В., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Я вздрогнула и проснулась. Оглядываясь, не совсем соображая сразу, где нахожусь. Зябко повела плечами, потянув на себя тёплое шерстяное одеяло, обняв спящего рядом Марсу. Бережно прижила его к себе. Шумно выдохнула, оглядывая низкий потолок кареты. Дождь застал прямо на гористой дороге, пришлось остановиться на ночь среди чащи.

Прислушалась — дождь всё ещё шелестел, фыркали рядом кони, воины, что были отправлены со мной Амгерром, ночевали поблизости, разбив небольшой лагерь. Только третья ночь прошла, как я в пути. Останавливаться на постоянных дворах было опасно, потому выбирали пустынные дороги, и, кажется, я уже начала привыкать спать на сиденьях в карете.

Сейчас спать мне не хотелось, да и рассвет уже брезжил в оконце, но я оставалась лежать неподвижно, чтобы не разбудить своей вознёй Марсу — пусть ещё немного поспит. Правда, оставаться на месте оказалось не так уж легко. В голову полезли разные мысли, от которых сердце стучало быстрее, гоняя по венам кровь, так что стопы зудели, и как-то беспокойно становилось на душе. Это мутное состояние началось со вчерашнего вечера. И странное дело, ведь всё сложилось — лучше и не представишь. Господин, оказывается, собрал нас в дорогу под завязку: в карете я обнаружила тёплые одежды, плащи, одеяла и еду, которой вполне хватило бы на неделю. Даже щёки загорелись, когда я это всё выгрузила из мешков.

Как бы ни пыталась ещё немного подремать, пригревшись в сумраке кареты под одеялом, передо мной вновь и вновь возникал мрачный взгляд Амгерра, жёгший меня до основания холодом, сковывавший напряжением, исходившим от его горячего тела. Заставлял елозить и задерживать дыхание, нырять в тёмную глубину. Мысли о Мортоне наплывали то обжигающей горячей волной, то жгучим ледяным оползнем. Каждую ночь он не давал покоя, появляясь в моих снах, от которых я просыпалась вся в поту с судорожно колотящимся сердцем. Теперь он свободен от проклятия и, наверное, рядом со своей невестой.

"Нет, это невыносимо!"

По сердцу от этой мысли будто ножом полоснуло. Не выдержав, я всколыхнулась, сбрасывая с себя край одеяла. Осторожно приподнялась, стараясь не беспокоить маленького брата, который продолжал сладко спать. Взяв накидку, тихонько открыла дверцу, выбралась из кареты в промозглую сырость леса. Накинув на плечи тёплую одежду, осмотрелась. Оказывается, воины уже не спали, трещал костёр под сосновым пологом, доносились приглушённые низкие голоса, переходящие в гул в неподвижном, наполненном смолой и дымом воздухе. Подняла подбородок, взглядывая в серую хлябь, видневшуюся среди сплетённых над головой ветвей. Холодные капли, срывающиеся с крон, оросили лицо, ударяя брызгами, ощутимо взбодрили, прогоняя остатки сна, а вместе с ним и излишнее напряжение. По словам Тавира, главного воина отряда, до границы оставалось где-то три дня пути, но если будут такие дожди, то гораздо дольше.

Постояв немного, я окончательно проснулась, улавливая вкусный запах готовящейся на костре снеди.

— Доброго утра, — раздался позади сильный мужской голос.

Я резко обернулась, едва не подпрыгнув от неожиданности. Тавир подобрался незаметно, впрочем, неудивительно, он ведь воин и сноровке обучен основательно.

— Доброго, Тавир, — поздоровалась с воином.

Тавир оказался не старше Мортон Амгерра. Темноволосый, с карими глазами и широкими скулами, крепкое телосложение не такое стройное и гибкое с грацией хищника, как у господина, но не лишённый своей силы и выдержки.

И хоть он вполне вежлив был со мной и даже всегда спрашивал об отдыхе, мне было не по себе от такого внимания. Всё чаще начала задумываться о том, чтобы оторваться от отряда

и идти своим ходом. Вся эта воинская свита ещё больше привлекала внимание, чем если бы я шла одна, хотя, конечно, было удобно ночевать в карете и не сбивать ноги, не думать о тяжести ноши, но я привыкла быть и справляться одна. Уж точно бы не пропала, особенно когда есть деньги — вспомнила о той плате, которую Амгерр вручил мне.

Молчание затянулось, напряжённое лицо Тавира стало хмуры, видимо, искал слова, чтобы начать разговор, и только раскрыл рот, дверка кареты отворилась. Наружу выглянула Марсу. Улыбнувшись Тавиру, я поспешила к брату, благодаря при этом Богов, что разорвали это неловкое, да и не нужное молчание. Воин, кажется, что-то успел себе напридумать по дороге. Но, с другой стороны, почему я должна отгораживаться? Тавир не торгош с рынка и не чей-то раб, а королевский воин — достойный муж для такой, как я. Но почему-то едва только допуская мысль ответить взаимностью, меня будто наизнанку выворачивало. Хоть здравый смысл твердил, что одной молодой девушке слишком опасно становилось. А Тавир, оказалось, был серьёзно настроен.

— Я принесу еду, — вдруг догнал голос мужчины.

— Не нужно, Тавир, у нас есть, — попыталась отмахнуться.

— От холодной еды можно получить множество неудобств, да и мальчику нужна горячая пища.

Взяло смущение от такой опеки. Но, вдохнув, опустила плечи, не стала упрячиться.

Тавир ушёл, а я отправилась к брату.

— Ну как ты, выпался, родной? — спросила, вернувшись обратно внутрь нагретой дыханием кареты, скидывая накидку.

— Мне снился наш дом, — насупился братик. — И мама снилась, и папа...

Я крепко прижала его к груди, погладив по мягким волосам. Конечно, он ещё скучал по родителям, ему не хватает их любви, и я не могу их заменить, а после того, что случилось, как у меня его забрали, я совсем никчёмная сестра.

— Давай собираться, — проговорила глухо, ласково глянула на него. — Скоро у нас будет свой дом, и всё у нас будет хорошо.

Марсу вдруг оторвался от меня, заглядывая в лицо, голубые глаза загорелись и посветлели.

— Правда? И у меня будет своя комната?

— Конечно, своя комната, — нечаянная улыбка тронула мои губы.

Того, что дал мне Амгерр, хватит даже нанять слуг на целый год. Его плата оказалась щедрой. Но Марсу вдруг снова погрузился и отстранился, сев на сиденье.

— А мне понравилось в замке, — с выдохом и грустью произнёс он, — я бы хотел быть таким же воином, как Тавир, а ещё как Бордант.

О военачальнике господина я уже успела за эти два дня вдоволь наслышаться от Марсу. Оказывается, всё то время, что я была в доме слуг, мой брат был где-то рядом, и Амгерр не отвозил его ни в какой приют. Поначалу меня это разозлило страшно, что он обманывал меня, но потом успокоилась и даже была благодарна, что брат не оказался за стенами строгих надзирателей. Брат с упоением рассказывала, как с ним обходились и давали даже держать настоящее оружие в руках. Похоже, он хорошо проводил время, в отличие от меня.

Свернув все одеяла и сложив подушки, я одела Марсу в тёплую одежду. А потом вернулся Тавир, мелькнув в окне. Открыла дверцу, запуская поток холодного воздуха. Мужчина, загораясь собой темные глубины чашобы, протянул наполненные варевом плошки. На улице стало гораздо светлее, дождь перестал моросить, даже защебетали громко лесные птицы.

— Благодарю, — забрала у Тавира плошки с горячей похлёбкой.

Мужчина довольно улыбнулся и отступил, оставляя нас, не стесняя своим присутствием. Похлёбка и в самом деле оказалась вкусной и наваристой, воины могли готовить не хуже умелой поварахи.

После сытного завтрака стали собираться в дорогу. Да так быстро и справно каждый раз, что приходилось только диву даваться. Карета уже была запряжена, но Марсу запросился сесть вперёд к возничему. Конечно, это была плохая идея, но запретить я ему не могла, в конце концов, ребёнку уже наскучило трястись в сумраке кареты, будто в коробе. Обрадовавшись, брат залез к Гайтану, широкоплечему мужчине, что управлял лошадей, он с охотой посадил мальчика рядом с собой. И едва я хотела нырнуть в карету, как меня перехватила мужская рука. Вздвигнув от неожиданности, глянула на Тавира.

— Не хотел пугать, — извиняясь, усмехнулся молодой мужчина, — просто подумал, может быть, ты тоже захочешь ехать на лошади?

На лошади? Вспомнила прошлый раз, когда добирались до Урелтона и я была вынуждена сесть на лошадь с одним из воинов. Ну уж нет, не слишком-то хотелось повторять такой опыт.

— Спасибо, Тавир, но мне гораздо удобнее в карете, — мягко высвободила локоть из его хватки.

Невольно перевела взгляд за его спину и увидела старшего воина — сурового и молчаливого Грорса. Среди остальных он как хмурая туча — спокоен и в то же время давил своим присутствием, следя за всем. Даже сейчас что-то высматривал. Уж не приказал ли Амгерр следить за мной? Хотя вряд ли господин стал беспокоиться по этому поводу. Да какая ему в том разница?! Другое дело, если всё же Грорс будет следить за мной и после того, как я перейду границу, тогда Амгерр может запросто найти меня: хоть он и обещал, что отпустит, а уверенности в том не было.

Лицо Тавира с каждым мигмом моего молчания меркло.

— Просто мне немного нездоровится, быть может, в следующий раз, — облизав губы, улыбнулась ободряюще.

Тавир вскинул взгляд и кивнул, весьма удовлетворившись таким ответом. Я свободно могла взобраться внутрь кареты и выдохнуть. Да уж, непросто оказалось дать отпор. Теперь ещё бы выстоять. Тавир слишком обходителен.

Отряд двинулся с места, а я откинулась на спинку сиденья и уставилась в окно, наблюдая, как проплывала в туманной пелене чащоба. Вид за окном почти не менялся из-за того, что лошади шли по трясине медленно, но ближе к полудню, когда землю обдуло ветром, немного подсушив, разогнались и припустились бодрее.

Дорога ещё долго пролежала среди молодых лиственниц, окутанных водной дымкой под тяжёлым набухшим влагой небом, и, казалось, никогда не оборвётся. Всё дальше становился Торион. Время от времени на меня наваливалось волнение, давила непонятная тяжесть, но я старалась не задумываться над этим, прогоняя всякие лишние мысли.

К обеду чащоба расступилась, а дорога плавно потянулась по горному склону, огибая каменные выступы, похожие на громадных истуканов. На отдых съехали с дороги, выбрав место у густого ольшаника.

Вылезла из кареты, разминая плечи и спину, чуть потянувшись, вдыхая свежий, одурманивающий голову воздух гор. Марсу с радостным криком спрыгнул с козел, вместе с остальными принялся очищать для постоя место. Ему явно по нраву этот путь, судя по тому, с какой живостью и охотой он суетился вместе со всеми, таская дрова для костров. Может быть, и правда его можно было бы отдать на должное воспитание? Тряхнула головой. В нашем роду не было воинов, и единственный удел мужчин — это копаться в земле и молоть муку.

Пока все остальные были заняты делом, я спустилась к роднику, что журчал поблизости среди камней. Набрав воды для готовки, отправилась обратно, но едва только ступила на каменный выступ ухаба, как передо мной возник Тавир. От неожиданности сердце подпрыгнуло и быстро заколотилось.

— Опять тебя напугал, — виновато глянул мужчина, — давай помогу, — тут же забрал из моих рук котелок, который был и не слишком-то тяжёлый — и не такие тяжести таскала.

Но делать нечего, он уже забрал его, перехватывая крепко в руку, а я невольно пожалела, что пошла одна, не взяв с собой брата, будто он мог спасти меня, но тогда хотя бы у Тавира было меньше поводов заговаривать со мной. Невольно поймала себя на мысли, что нахожу причины, как от него отвязаться, не дав возможности узнать его лучше, спокойно поговорить. Ведь что если он окажется достойным мужчиной? Нельзя быть такой категоричной! А помощь мне пригодится: мама всегда говорила, что есть трудности, которые женщине непосильны. Кажется, у меня этих трудностей уже по горло.

Заставила себя улыбнуться, на что Тавир воссиял.

— Если ты не против, может, прогуляемся?

Он определённо искал случая, чтобы уединиться и скрыться с глаз остальных, и кажется, поймал его. Я запнулась с ответом. Да что же это такое?! Ну что будет плохого, если мы просто поговорим? А у меня такое чувство, что не уступаю в простой просьбе, а даю согласие на брачный обет.

— Немного можно, — ответила невнятно и уклончиво.

— Подожди меня здесь! — оживился мужчина, преобразившись в озорного мальчишку, поднялся с котелком наверх, расплёскивая его, а я так и осталась стоять, смотря ему вслед.

Может, зря я это всё? Зачем? Как бы я ни пыталась, но не могла его представить рядом с собой. Боги, мне ли выбирать? Беглой ведьме с ребёнком, пусть и братом? Моя мама вышла за отца, потому что так решили её родители и дал согласие старейшина. Никто её не спрашивал и не давал выбора, и, кажется, мама ни на что никогда не жаловалась, да и отец тоже. Быть может, это хорошо, когда за твою судьбу решают старшие, давая своё благословение? Но теперь мне его никто не даст, и я должна решать всё сама. Боги, как же это трудно!

Не успела я подумать и разобраться, хоть у меня до этого было предостаточно времени, как вернулся Тавир. Он подал руку, помогая мне подняться наверх, чуть сжимая пальцы.

— Вот здесь хороший вид на горы, — указал Тавир в сторону возвышенности. — Я слышал, что господин привёз тебя из Ториона. Откуда ты родом? — вдруг перешёл к важному.

— Из Шадора, — не стала скрывать, да и не было в этом ничего тайного. Там у меня всё равно никого не осталось, ну, за исключением злобной тётки.

— А я из Вельтхора. Сначала был стражем в Торионе, а потом заслуженно перебрался в Урелтон, — принялся рассказывать Тавир, устремив взгляд вдаль. — Я слышал, ты помогла господину избавиться от его... недуга? — Раскрыла рот в удивлении. Как он узнал? — Да ты не бойся, я никому не скажу, хотя весь замок об этом гудит. Хавир все уши о тебе прожужжал.

— Хавир?

— Да ты не думай, он не болтун, просто... ты ему нравишься, ах да, ты, наверное, не знаешь ещё: Хавир — мой брат.

Я подозрительно поджала губы. Вот оно что, теперь мне стал понятен пристальный интерес Тавира. Надо же, братья. Хотя чему удивляться? В порядке вещей, что вся семья может служить знатному роду, и даже потомки после занять места.

Своей болтовнёй Тавир располагал к себе. И всё же беспокойство нарастало. Что могут подумать другие, когда поймут, что нас, пока готовиться снедь, долго не было? Но Тавир не утихал, всё рассказывал о себе и своей жизни в Урелтоне, что его отец побывал на битве с гортхонами, случившейся пятнадцать лет назад, и погиб в бою. Упомянул, что на границе Антхалии и Сарматов у него осталась сестра и мать. А я думала и вспоминала о том, какое тогда было тяжёлое время. Эта битва продлилась недолго — всего год, но оставила след даже в самых дальних землях. Антхальцы взяли победу, король Вальтор был ещё молод и силен, и гордхоны после того больше не лезли на южные земли, пытаясь завладеть ими, чтобы открыть себе путь к Флеанскому морю и тем богатствам, которые оно хранило. Ведь помимо морского улова и торговых путей в другие земли, многочисленные острова дарили ценные породы сплавов и камней. Тот браслет матушкин ведь как раз из таких особых пород.

Невольно подумала о Мортоне, неудивительно, что он так жаждал избавиться от проклятия. Он будущий правитель. А ведь поговаривали даже в таких захолустьях, как наша деревенька, что гордхоны пробудились и снова могут пойти на южное королевство.

Я очнулась от раздумий, понимая, что пора возвращаться, улавливая запах дыма и снеди.

— Нам, кажется, пора. Я нужна Марсу, — глянула на притихшего и задумчивого собеседника.

Повернулась в сторону лагеря, как Тавир преградил путь. Вид его был серьёзный и проницательный.

— Я хотел тебе кое-что предложить, Грез, — начал мужчина, пристально всматриваясь в моё лицо. Я заморгала часто, чувствуя, как по телу разливается волнение. Что он задумал? — Ты ведь хочешь покинуть Антхалию и скрыться? Прости что так прямо, но... тебе, молодой и такой красивой девушке, тяжело будет в незнакомом месте... одной. Где ты найдёшь пристанище, да ещё и с маленьким братом? Я мог бы тебе рассказать путь к моей матери и сестре, они с радостью примут тебя в свой дом, и ты сможешь не волноваться больше за себя и брата.

Я так и раскрыла рот, мысли замельтешили роём в голове.

— Спасибо, Тавир, но...

— Не говори сейчас ничего, — перебил вдруг он, — просто подумай сначала, уверен, ты почерпнёшь из этого много выгоды.

Мои щёки так и загорелись, конечно, я понимала, что он имеет в виду под словом «выгоды». И что молодой воин просто так не отпустит меня. Подумав об этом, я кивнула.

— Хорошо, я подумаю, — не стала отказываться сразу, и, видят Светлые, не в угоду себе.

Мужчина улыбнулся, всё ещё продолжая преграждать мне путь. Ощувив стеснение от этого всего, ступила в сторону, давая понять, что нам всё же необходимо возвращаться. Сразу направилась к кострам, Тавир молча проследовал за мной, и я чувствовала его взгляд на себе. Злилась, что ему удалось-таки застать меня врасплох.

Еда была уже готова, и, кажется, никто даже не заметил нашего отсутствия. Марсу вместе со всеми примостился у костра. Только Грорс повернулся, проследив за Тавиром строгим взглядом, сжал в твёрдую линию губы, а мне сделалось не по себе от такого едкого внимания старшего воина. Да и какая кому разница, с кем я могу разговаривать, а с кем нет?!

Пообедав, начали собираться в путь. Тавир больше не заговаривал со мной, и я была тому, признаться, рада. От его предложения на сердце сделалось ещё тягостнее. Марсу запросился вновь сесть вперёд — теперь его рядом с собой не удержать. Что ж, может, оно и к лучшему, сейчас мне нужно было побыть наедине с собой и обо всём подумать. Расположившись в карете, погрузилась в мысли, вновь и вновь прокручивая и обдумывая слова Тавира. Сомнения разрывали сердце. С одной стороны, ехать в уже приготовленное место, где нам будут рады, очень прельщало, но с другой — это меня обязывает перед Тавиром. В конце концов, он не просто так мне это всё предложил, и имеет свои интересы, которые слишком очевидны. Мужчину этого и не скрывал. Но в чужих землях мне будет непросто — это правда.

Всю дорогу я так и не смогла прийти к решению и, вконец истерзав себя сомнениями, прислонившись головой на спинку сиденья, не заметила, как задремала.

Проснулась от пронизывающего до нутра грохота и мужских голосов. Подскочила на месте, кинулась из кареты наружу.

Глава 2

— Надвигается буря. Сейчас хлынет, — раздалось со всех сторон голоса. Тавир натянул поводья, приструнив взбесившегося коня.

Марсу слез с козел, и я быстро его перехватила, вглядываясь в почерневшее от тяжёлых туч небо, что низко стелилось к земле.

— В такой ураган не встанешь на ночь в горах, — проговорил возничий Гайтан, — совсем недалеко за переправой небольшое селение с постоянными дворами.

— Тогда поторопимся, — объявил всем Грорс, а я только в ответ кивнула.

Нас точно смоеет селом, если мы останемся под небом.

Ледяной порыв ветра почти сбил с ног, я поспешила посадить Марсу в карету, сама села рядом, захлопнув дверцу. Лошадь беспокойно всхрапнула, не успели тронуться с места, по тонкой крыше забарабанили тяжёлые капли. Надо же, как потемнело разом, хоть уже был вечер, сейчас казалось, что ночь. Я прижала Марсу к себе, а тот хоть и делал вид, что не боится, вжался в меня сильнее, смотря распахнутыми глазами в крышу кареты. Оглушительные раскаты раз за разом обрушивались на нас, вынуждая крепко ругаться воинов. Гром встряхивал землю и всю карету, так что внутренности все сжимались. Марсу зажимал уши, а я молилась Светлой Матери, чтобы скорее добраться до места...

Судя по грохоту ливня и лаю собак, мы уже достигли селения. Собрав все ценные и необходимые вещи, что могли бы нам пригодиться внутри дома, вышли из кареты, прикрываясь добротным плащом, который я отыскала в мешках, что выдал нам на пользование Амгерр, и стояли под сильным потоком, ожидая. Я только видела, как замелькали огни ламп, слышала громкий крикливый голос хозяина двора, что переговаривал с Грорсом.

— Сюда! — указала хозяйин дома, наконец, махнув в сторону крыльца.

Мы с Марсу, чвакая по грязи, побежали к дому, где нас ждала одна из служанок. Молодая рыжеволосая девушка в полосатом платье и зелёном переднике. Намокли, конечно, изрядно, но уже скоро девушка провела нас в жилую часть дома, держась в стороне от полного людского зала. Здесь пахло хлебным квасом и копчёностями, витал чад от коптившегося на углях тушки молодого кабана. Мой взгляд бегло скользнул по незнакомым лицам, успев зацепиться за один столик, который стоял как бы отдельно от других. За ним сидела сторбленная старушка в лохмотьях, на лицо ее была надвинута какая-то тряпка, так что я не разглядела его, перед ней стояла чашка с каким-то варевом и кружка. Видимо, она была здесь частой гостьей, может, какая-нибудь бродяжка или нищенка, но старуха вдруг подняла голову, когда мы проходили мимо, и, клянусь Светлой, повела носом, улавливая чужой запах. Я быстро отвернулась, утягивая за собой брата, но по плечам так и скользнул липкий озноб от внимания женщины.

О посетительнице я быстро забыла, когда мы поднялись по лестнице наверх. Здесь было куда тише и спокойнее. Служанка отворила ключом дверь, открыв комнату, находившуюся почти в конце коридора, впустила нас внутрь.

— Вам что-нибудь нужно, госпожа? — услужливо спросила.

Я невольно смутилась, что ко мне обращаются подобным образом. Да и как иначе, когда со мной целая дюжина воинов?

Искупаться не мешало бы, как-никак три дня в пути.

— Для начала горячей воды для купания, — поспешила с ответом, вздрагивая от очередного раската, хоть под крышей он не так ощутимо слышался.

Служанка ушла, закрыв дверь. Марсу отправился осматривать помещение — несмотря на то, что только что пережили, он быстро переключился. На кроватях уже лежали свёртки перин и чистого белья, да и пахло приятно каким-то травами. Двор оказался достойным, всё

опрятно и чисто, мебель почти новая. Стряхнув с плаща капли, повесила его на спинку стула, сбросив с плеч и сумку. И пока мы располагались, служанка натаскала всё для купания, поставив на доски лохань с помощью помощницы. Заплатив ей за старания, попросила принести ужин. Сегодня была запечённая в овощном маринаде утка.

Искупав и накормив Марсу, уложила его в разобранную постель. Он уснул почти сразу. Оторвав взгляд от разбурмачившихся щёк, глянула в окно. Ливень продолжал хлестать. Верно, зарядил на всю ночь. Укрыв брата одеялом, заткнув его за бока перины, склонилась.

— Сладких снов, родной, — поцеловав брата в тёплую щёчку, отошла от постели.

Оставив гореть одну лампу, распустила влажную косу. Заперев на засов дверь, стянула с себя и верхнюю одежду, налив новой воды в лохань, погрузилась в неё по грудь, блаженно прикрыв веки, откидывая голову на край. Боги, как же хорошо!

Но не успела я расслабиться, как в голову полезли разные мысли. Как же теперь мне избавиться от попечительства Тавира? Наконец-то ко мне начали приходить здравое понимание. Мне лучше быть одной, ведь многие могут прознать, где я, и раз уж за мной охотятся, то не хотелось бы подвергать опасности мать и сестру Тавира, и Хавира в том числе. Так что разумней будет отказаться от предложения.

Намылив волосы и как следует прополоскав их, вылезла из кадки. Почувствовала себя как заново родившейся. Кожа порозовела и размягчилась, а усталость и тяжесть пути ушли вместе с водой. Замотавшись в полотенно, только взяла гребень, как в дверь кто-то тихо постучал. Я вздрогнула, схватившись за ткань и выронив гребень, уставилась на запертую створку. Может, служанка пришла убратсья и забрать посуду? Только слишком вкрадчивый был стук. Подняв гребень с пола, отложила его в сторону и, сжимая ткань на груди, на цыпочках подкралась к двери, прислушиваясь. Но ничего, конечно, не услышала.

— Кто там? — спросила тихонько, чтобы не беспокоить маленького, так сладко спящего брата.

С той стороны последовало молчание, а я обернулась, взглядом найдя на столе нож. Все воины сейчас, верно, внизу, пропускают по одной или уже третьей кружке хмеля, отогреваясь от ливня. Нужно было всё же поселить Тавира рядом.

Ну вот, при первой опасности я сразу вспоминаю о войне!

Страх нарастал, а тишина глушила. Не могло же мне послышаться! Проверив засов, я попятилась было, как с той стороны раздался низкий сиплый голос.

— Тебе нужна помощь, а у меня есть кое-что полезное для тебя, — это была определённно та старуха, хоть не слышала её голоса, но внутреннее чутьё не обманывало.

Сжала подрагивающие в лёгком, но всё же испуге, пальцы в кулаки.

— Мне ничего не нужно. Доброй ночи, — отчеканила и поняла, что зря, нужно было притвориться спящей, не отвечать, и тогда бродяжка отстала бы сама, но, видно, Тёмный дух меня за язык дёрнул!

— Я могу мно-о-огое о тебе сказать... рождённая в грозу, — протянула и следом замаялась хрипло, так что по коже плеч мороз прошёлся. — За тобой гонятся, и я знаю кто. — Сердце пропустило удар и пустилось в безумный галоп. Даже обернулась, будто и в самом деле кто-то дышит позади. — Если захочешь меня слушать, спускайся вниз. Я буду ждать тебя.

Я кожей почувствовала, как старуха едко усмехнулась, перестав kloкoтaть. Да и обычная ли старуха, если знает о том, чего не знает никто в этом захолустье?! Я ничего не ответила, охваченная замешательством. Прильнула к двери ухом, затаив дыхание, слышала удаляющиеся шаркающие шаги, которые стихли где-то у лестницы. Отпрянула, шумно выдохнув, унимая сердцебиение, молясь Светлой Матери. Вернулась к столику, подобрав гребень, принялась расчёсываться, пытаюсь расслабиться. Но не выходило.

Что она может знать? Наверняка, заметив пришлых, просто хочет выпросить монеты. Всего лишь. Но слова о том, что за мной гонятся и она знает кто, не выходили из головы. Что

с того, если я спущусь? В самом деле, чего мне бояться, если рядом надёжные люди, готовые защитить меня, стоит только позвать? Я глянула на сладко спящего брата. Он устал сегодня изрядно и вряд ли проснётся до самого утра, да и я ненадолго. Только узнаю, что может мне сказать эта бродяжка.

Решившись, я скинула с себя полотно, облачилась в сорочку, сверху надев платье, торопливо собрала ещё влажные волосы в косу. Помощь мне и в самом деле нужна. Очень нужна, и глупо хотя бы не узнать, что я ошибаюсь, и старухе нужны были всего пара медяков, которыми я ещё недавно так дорожила. На них можно купить краюху хлеба и кружку молока для Марсу! Но вдруг, если она и в самом деле скажет что-то важное?

Любопытство взяло верх.

Взяв необходимое, я тихонько притворила дверь, заперла замок на ключ, который выдала мне служанка на время постоя, и пустилась к лестнице.

Внизу было так же шумно, даже ещё больше. В основном столы занимали мужчины, но и женщин оказалось достаточно, и сразу было видно, что это путники, так же попавшие под ливень, как и наш отряд. Старуху я нашла на прежнем месте, будто она и не покидала его, а мне вдруг подурнело — уж не привиделось ли всё? И со мной никто не разговаривал там, наверху. А может, это морок? Или колдовство? Страх всё же сжал рёбра, и я уже надумала вернуться, унести ноги подальше от незнакомки, запереться в комнате и лечь спать, но внутреннее чутьё толкнуло меня вперёд, не позволяя отступить и бежать.

Стиснула зубы, набравшись храбрости, вышла из тени. Мне просто необходимо узнать, что она хочет мне сказать!

Приблизившись, села напротив гостыи. Вглядываясь в тень лица, что скрывала тряпка, видела только кончик длинного носа и синюшные морщинистые губы. Непонятно, улыбается она или сердито поджала их? Но я кожей чувствовала, как её взгляд цепко вонзился в меня. Кровь зашумела, сливаясь с общим гулом питейной.

— Вы звали меня... — начала я, кладя локти на стол.

— Скорее, ты звала, — усмехнулась бродяжка, опустила нос, помешав ложкой варево, взяв крепко узловатой, в коричневых пятнах, давно лишённой гибкости рукой.

— Ты, кажется, что-то путаешь? — Зря я пришла, она просто сумасшедшая, а я послушала.

— Ничего я не путаю, — отмахнулась старуха, поднеся ко рту ложку супа, отхлебнула. — Предупредить хочу, чтоб бежала ты, оторвалась от своих провожатых и бежала сегодня же ночью, а лучше сейчас.

Я передёрнула плечами. Перевела взгляд за спину бродяжки, вглядываясь через духоту на постояльцев, на хмурого Грорса и весёлого раскрасневшегося Тавира — они не заметили меня, переговаривались о чём-то с остальными воинами, к тому же сидели далеко, прямо возле подавальни за широким столом, и вокруг них сустились служанки — они хихикали и взвизгивали, когда кто-нибудь из мужчин щупал их.

— Ударила гроза, как чудовище решил пойти за тобой, — вдруг произнесла старуха, перехватывая моё внимание.

А вот теперь мне стало по-настоящему дурно.

— Кто-о? Мортон Ам... — и тут же зажала язык за зубами — едва не проговорились!

— Я тебе всё сказала, — отрезала старуха без эмоций.

Чудовищем мог быть только один человек — Мортон Амгерр. Но как же так?! От мысли о нём сердце застучало под рёбрами тяжелей. Он ведь обещал отпустить. Или всё это был обман, а он решил мне дать лишь мнимую свободу, и нашёл предлог последовать за мной? Я скрипнула зубами от досады и злости, так что хотелось грохнуть по столу кулаком, но тогда я точно бы привлекла на себя лишнее внимание.

«Ладно, Грез, теперь нужно думать, что делать?» Глянула вновь на Тавира, поджала губы, вернула взгляд на провидицу, что продолжала хлебать из миски суп, будто меня и не было рядом. А может, и в самом деле меня сейчас никто не видит, может, она наложила какое-то заклятие? Морок?

— Как я сейчас могу уйти, со мной мой маленький брат, а дороги развезло? — обратилась к ней, поддаваясь вперёд.

— Ты привыкла так считать и принимаешь неправду за правду. А ведь тебе говорил он, чтобы мальчишка остался. Теперь тебе будет тяжелее. Сама виновата, — протараторила провидица, бросив ложку в опустевшую миску, обтерла обмусоленным рукавом рот, потянулась за наполненной каким-то отваром кружкой.

Да что она несёт такое? Какая ещё "неправда"? Я начинала всё больше злиться. Старуха, отпив из кружки, застыла, уставившись на меня в упор.

— Ты ещё здесь? Чего расселась? Собирай свои вещички и улепётывай, а я, так и быть, постараюсь скрыть твои следы.

Я вздрогнула, схватившись за узелок на поясе, вытащила пару монет.

— Возьми, — протянула по столу осторожно, чтобы никто из постояльцев, что сидели поблизости, не видел.

— Оставь себе, они тебе пригодятся больше, — брезгливо скривила рот, тряхнув седыми космами, будто я ей змей подаю, а не плату. Сжав монеты в кулаке, я выпрямилась. — Беги, — грозно бросила старуха, подстегнув, и я не стала больше задерживаться, подскочила как ошпаренная с места.

Оглядываясь на королевских воинов, попятилась в тень, развернулась и пустилась обратно в комнату. Отомкнув замок, ворвалась внутрь, торопливо запираясь, будто за мной сам Тёмный дух гонится. Прислонилась спиной к створке. Отдышавшись, раскрыла глаза.

Марсу спал, мерно дыша, и даже не шелохнулся, когда я вошла. Светлые Боги, и что теперь делать? Выходит, Мортон, не сдержал обещание. Только что произошло, если Амгерр бросается в погоню к самой границе? В голове не укладывалось, мысли тяжёлым илом наплывали друг на друга и смешивались. Нет, рисковать я не могла, вновь попасть в его руки — смерти подобно, тогда мне точно не ждать свободы. Он вновь заберёт у меня брата.

— Не допущу, — прошипела сквозь зубы и, оттолкнувшись от створки, направилась к вещам.

Я собралась за мгновения, уложив все вещи обратно в сумку, одела спящего Марсу. Он и в самом деле сильно устал, что не захотел просыпаться даже, только в полудрёме раскрывал ресницы, позволяя себя одеть. И как Амгерр хотел отдать его на обучение, я не понимала. Чудовище он и есть чудовище.

Закутав брата в плащ, взяла его на руки, так что он положил голову мне на плечо и продолжал спать. Выскользнула в полутёмный коридор, осматриваясь, чтобы не встретить никого из служанок. Мужские голоса, что раздались поблизости, когда я спустилась вниз, заставили меня вжаться в стену. Двое постояльцев вывернули из питейного зала и, пройдя переход, не обратив на меня никакого внимания, вышли в дверь. По влажному сквозняку я поняла, что выход вёл на внутренний двор, пошла вслед за ними. Выпорхнув на крыльцо, я взмолилась Светлой в благодарности — ливень стих, и теперь с неба падали редкие капли, которые сразу попали мне на лицо и скользнули за ворот льдом.

Минув двор, заставленный повозками и каретами, прокралась через хлева, где фыркали лошади — благо никого из конюшенных не встретила, свободно выскользнула в ворота и оказалась на дороге. Прихватив удобнее Марсу, укрывая плотнее его от мороси, пошла по накапанному тракту в неизвестном направлении. Главное — уйти подальше и держаться реки, а там набреду на какую-нибудь деревушку. Наверняка их множество.

— Грез, куда мы? — проснулся Марсу.

— Нам нужно уходить, родной, — прошептала я ему в висок, прижавшись губами.

Нам не первый раз приходилось скрываться, и брат смолк, только крепче обхватил мою шею, и я знала, как он насупился от грусти. Конечно, он уже привык к воинам, и у меня сердце сжалось, как ему сейчас тоскливо расставаться с ними.

— Всё будет хорошо, — прошептала утешительно, держась края обочины.

Глава 3

Тьма поглотила меня. В глазах чёрные всполохи. Тряхнул головой, слыша раздающееся эхом в воздухе имя ведьмы. В ушах бухала кровь, ливень, который хлынул на долину, обжигал кожу ледяными струями, так что всё лицо, лоб, скулы, шея, грудь горели.

Найду — убью. Но сначала душу из неё вытяну, но заставлю снять проклятие. Не будь я старший Амгерр, потомок рода антхальцев!

Смял кулаки, оттолкнувшись о каменную перекладину, широким шагом покинул балкон. Вышел в зал. Музыка давно стихла, всполошённые гости при моём появлении смолкли, проследив за мной растерянными взглядами. Чуть смедлил шаг. Не поворачиваясь всем корпусом, я глянул на отца, его лицо искажала нескрываемая горечь. Кажется, он всё понял. Как и братец, который сидел на прежнем месте, вальяжно раскинувшись, едко ухмылялся. Строгий взгляд Матиуса-лар-Бертлота полоснул недоумением, оглядывая мой взбешенный вид. Реднайры в зале не было, как и Геовин, и мачехи. Видимо, ринулись вслед за молодой айтари.

— Мортон... — вышел ко мне из-за стола отец. Я отвернулся и направился прочь подальше, пока они меня не рассмотрели, как следует и не поняли, почему кричала Реднайра. — Мортон! — грозно раздался голос в повисшей тишине, отталкиваясь от каменных стен большого заладребезжанием.

Я вылетел из зала. Возвращаться к себе? Нет, только стены долбить кулаками и драть ногтями от злости, что душила меня и сжигала. Спустился вниз, стремительно прошёл переход, потом ещё один, оказался перед дверью, за которой слышался грохот. Рывком выдернул тяжёлый меч из железной перчатки доспехов, что стояли возле выхода больше для украшения, но меч, сколько помнил, всегда наточен остро.

Толкнув плечом створку, вырвался наружу. Прямо под ливень. Обрушившийся тяжёлый холод прокатился дрожью по спине. Передёрнул плечами, разминая их, обхватил оружие крепче и рубанул по первому попавшемуся кусту роз. Меня попросту перемкнуло. Затмило. Я рубил с яростным рыком, взмахивая мечом вновь и вновь, стебли и листья летели в стороны лохмотьями, холод металла туманно сверкал в полумраке беспрерывно. На меня лилась потоками тьма, липкая и вязкая, как смола. Хотелось обхватить тонкую шею Грез, сжать и заглянуть в глаза. В распахнутые, напуганные. Мне хотелось видеть в них страх, хотелось, чтобы она пожалела. И я сделаю так, чтобы она пожалела. Клянусь! Горианка. Ведьма. Такая же, как все. Лживая. Подлая. Изворотливая дрянь!

Подступил к дереву, со всей силы рубанул по стволу, потом ещё и ещё, обдирая кору, оставляя глубокие рубцы, ударял, не останавливаясь, до потемнения в глазах и отдающейся дробящей боли в лопатках и голове. Воздуха в лёгких стало не хватать, мышцы горели. Силы покидали меня. Ударив изо всех сил последний раз, со злым шипением отшвырнул прочь меч. Металл звонко грохнулся о каменные плиты, но звон тут же заглушил шум ливня. Тряхнул головой, пронизывая мокрые волосы пальцами, откидывая их с лица. Застыл, судорожно глотая воздух от острой колющей боли в груди. Вода застилала глаза и стекала ледяными струями за ворот. Медленно коснулся пальцами лба и скулы, очерчивая неровности и наросты. Опустил руку, сжимая пальцы в кулаки, напрягая вздрагивающие плечи. Меня потряхивало от слабости, растекшейся ядом по мышцам. Ноздри раздувались в гневе. Одежда вся промокла и липла к телу. Неимоверно тяжёлая, как и глубокое жадное дыхание, сдавливаемое клеткой рёбер.

Позади раздался шум. Я повернулся, выхватывая мутным взглядом мальчишечью фигуру, что показалась на пороге — Хавир поспешил с плащом ко мне.

— Господин, — крикнул прислужник почти с порога, — его величество просит к себе. Кажется, королю Вальтору худо сделалось.

Суть сказанного Хавиром не сразу до меня дошла. Отцу нездоровится? Посмотрел на башню.

— Где он? — горло сдавил невольный страх.

— У себя в покоях.

— Возвращайся в комнату, — бросил прислужнику и шагнул в сторону замка.

Оказавшись внутри, поднялся по лестнице, стирая со лба и глаз остатки дождя, напрямик направляясь в покои отца, хотя прежде нужно было сменить одежду. Но сейчас было не до этого.

Короля я нашёл на ложе, вокруг него слуги в присутствии королевы. Лиоцин сразу преградила мне путь. Но мачеха будто споткнулась, застыла, расширив глаза от ужаса, увидев моё вновь безобразное лицо.

— Что случилось?

— Как Вальтор? — потребовал, видя, что отец без сознания.

— Ему сделалось резко плохо, — стальным голосом произнесла мачеха. — Но я хотела у тебя спросить, Мортон, что случилось? Реднайра только плакала и ничего не сказала толком, испугалась... — Лиоцин смолкла, бросая взгляд на слуг, и заговорила тише: — Объясни мне, что ты сделал?

Лиоцин, как всегда, преувеличивала, пялилась на меня въедливо и строго, раздувая ноздри.

— Ничего не случилось, кроме... вот этого, — чуть повернул голову уродливой стороной лица для полного обозрения. Лиоцин всё же отпрянула, судорожно сглатывая, побледнела. — Айтари всего лишь не ожидала видеть меня таким, — ответил ровно.

Мачеха посмотрела на лежащего мужа.

— Вальтор сильно расстроился. Для него опасны такие всплески. Мог бы поосторожнее себя вести, — сквозь ровный тон правительницы сквозило раздражение, но Лиоцин быстро перевела дух, прямо посмотрела на меня, будто вспомнив о чём-то. — Я слышала, что ты нашёл какую-то ведьму, которая помогла тебе снять проклятие. И я не понимаю, что произошло, ты ведь... всё было хорошо, почему оно вернулось? Ты можешь объяснить?

Я хмыкнул — быстро же слухи расползаются. Лиоцин прознала о Грез.

Грез... Жар всплеснул в теле волной, но я быстро подавил его в себе. Обсуждать с мачехой горианку я не хотел. Да и не хотел, чтобы она вообще знала о ней, но сплетней не избежать — рано или поздно Лиоцин узнала бы.

— Матиус и Геовин где сейчас? — перевёл разговор в другое русло.

— Они поднялись в отведённые им покои. Вечер испорчен, теперь утром придётся принести свои извинения...

Взяла злость. Теперь о проклятии слухи укрепятся, как бы я ни пытался их сдержать, и подорвут доверие многих высокородных господ, в том числе и совета. Хотя винить нужно самого себя. Не нужно было принимать это приглашение и приезжать, как бы отец ни настаивал.

— Тебе нужно привести себя в должный вид, а потом приходить, — прервала мои мысли Лиоцин, только сейчас окидывая меня придирчивым недовольным взглядом.

Сжал челюсти, собираясь ответить, но Вальтор пошевелился. Лиоцин тут же к нему поспешила, разом забыв обо мне. Король, придя в себя, приподнялся. Лиоцин, как заботливая жена, поправила подушки за его спиной. Он что-то ей сказал — я не услышал, но лицо женщины стало мраморным. Лиоцин досадливо поджала губы и кивнула, отошла в сторону и направилась к двери, пройдя мимо меня с гордо поднятым подбородком, но всё же остановилась.

— Только не докучай, ему нужен отдых, — небрежно процедила сквозь зубы, так чтобы слышал только я, отвернувшись и пошла дальше из покоев.

— Подойди сюда, Мортон, — позвал тут же отец.

Я приблизился, слуги боязливо косились в мою сторону, но мне не привыкать к тому. Вальтор жестом велел им покинуть комнату. Через минуту мы остались одни. Отец долго меня рассматривал из-под тяжёлых век, и горечь всё больше проявлялась в его чертах, взгляд потемнел, челюсти сжаты и губы вытянуты в твёрдую линию, так что складки возле носа и рта стали глубже. Он будто разом постарел, хотя ещё за столом от него веяло мощью и статью, словно проклятие и на него перестало давить. Я присел рядом на стул. Меня всё ещё потряхивало от вспышки гнева, и лопалась от боли голова.

— Твоя горианка не до конца справилась... — голос его звучал хрипло и слабо. «Моя горианка» — скажет тоже. Ни черта она не моя, сбежала при первой возможности. Тряхнул волосами, выбрасывая её из головы. Я не знал, что ему ответить. — Будешь её искать?

— Да. Пока она единственная кто может... — промолчал.

Признаваться вслух, что только Грез смогла снять проклятие, не хотелось. Вальтор помолчал, устремляя задумчивый взгляд перед собой, нахмурился. Ему сейчас было тяжело, тяжелее, чем мне, жить и знать, что когда-то проклятие полностью заберёт его сыновей, заберёт всё. И всё чаще я думал, что не проклятие влияет на крепкий дух отца, а вечные переживания, разъедающее нутро медленно и мучительно, как действие самого страшного яда.

— Не злись на неё, скорее всего, она неопытная и не... — он тяжело выдохнул, — ... не такая сильная.

— Плохая была затея устраивать эту встречу с Бертлотами, — пропустил мимо его слова, отец не знает, какая Грез коварная. А мне не хотелось ему о ней говорить, вносить ещё больше смятение.

— Это ничего бы не изменило. Они знали о проклятии и всё равно настояли прибыть. Просто никто не ожидал... что так всё... получится.

Я усмехнулся — да уж. Не ожидал даже я.

— Теперь ломают голову, как мне удалось скрыть проклятие, — проговорил, ощущая, как напряжение начало уходить.

— Ты понравился Реднайре и Геовин, — вдруг проговорил отец.

— Не понимаю, зачем им этот союз? Зачем так рисковать судьбой своей дочери?

— Любой род высокого положения стремится сродниться с королевской кровью, сплестись корнями, а Матиус не глуп. И я тоже вижу в этом выгоду, самое главное, что в Реднайре корни вар...

— Варлогов, знаю-знаю, — выдохнул, уже слыша в который раз о том.

— Ничего ты не знаешь. Как раз Матиус хотел кое-что рассказать, но... не вышло. В Осконте его дочь получила благословение высших на союз с Амгеррами.

Я приподнял бровь, признаться, удивляясь.

— Неужели?

Отец усмехнулся, видя мой оживший интерес. Ещё бы! Получить благословение от самих Светлых — высшее благо. Каждый правитель желает получить одобрение от исконных богов, отправляясь в обитель Светлой Матери.

— Значит, её партия — Рисальд, — твёрдо заявил я. Вальтор бросил на меня укоризненный, но не сердитый взгляд. — И это правильно, отец. Кто, кроме меня, пойдёт искать источник злой воли? Рисальд не станет искать корни проклятия. Я должен его найти. И найду.

— Но ведь одно другому не мешает, — настаивал неуклонно Вальтор.

И он был прав, невелика трудность пройти брачный ритуал, исполнить супружеский долг с новоявленной женой да отправиться на поиски.

— Сначала нужно очистить нашу ветвь, иначе может стать так, что будут расплачиваться потомки, да и где уверенность в том, что они не будут такими же, как я? — Взгляд короля остро сверкнул, в глазах взметнулась буря, он сжал кулаки. — Тебе нужен отдых, —

поднялся я со своего места, решая, что пора оканчивать разговор, — увидимся завтра. Перед своим отъездом я зайду.

Вальтор, подумав немного, кивнул, так больше ничего и не сказав. Я склонился перед ним, позволяя ему обхватить мою шею и поцеловать в макушку, дать благословение на сон.

— В чём-то ты прав, Мортон, но не во всём. Твои мысли противоречат с Волей Светлых Богов, и это меня беспокоит куда сильнее.

Я выдохнул, соглашаясь, чувствуя себя выжатым до капли.

— Доброй ночи, отец.

— Доброй...

Больше не задерживаясь, я отступил, покинул покои, направился к себе, желая поскорее скинуть мокрую одежду и подумать обо всём как следует...

...Хавир разжёл камин, и в комнате было уже достаточно тепло. Содрав с себя одежду, надел сухую. Приказал принести прислужнику крепкого вина. В жилах всё ещё кипел гнев, но после второго бокала тело расслабилось, мысли потекли медленней. Обиртон нужно покинуть завтра же на рассвете, чтобы успеть добраться до Грез. Придётся ведьме пустить все свои силы на то, чтобы найти источник. Я знал, что она сможет это сделать. Заставлю. Как бы она ни выкручивалась, ни врала. Пялился на огонь, осушая кубок, потом ещё один. Думал обо всём, как спасти нас и сохранить власть, обойдясь малыми потерями. Но грядущее не радовало. Думал о Грез, переставая дышать, то сжимал кулаки, то откидывался на кресло и прикрывал веки, беспечно впуская её в свою голову, изучал её, касался внутренним взором. Но впускать сильно нельзя, иначе её колдовство завладеет мной, тогда я не пойму, в какой миг перестану принадлежать себе, став рабом ведьмы. А этого я допустить не мог. Не дай Светлый Отец повторить опыт своего прадеда, который встретил ведьму-горианку и погубил свою душу, оставив малолетнего наследника — деда моего отца — и всё королевство, и сгинул в Синих Лугах сарматских предгорий.

С этими мыслями я так и уснул в кресле, и проснулся от того, что меня за плечо тормозил Хавир. Разлепил веки, обнаруживая потухший камин и одеяло на себе — им ночью укрыл меня прислужник. Из окна лилась предрассветная мгла. Шумно выдохнув, пошевелился, скидывая одеяло, разминая затёкшие плечи и шею, вспоминая вчерашний день — самый гадостный в своей жизни. Раскачавшись, поднялся, сбивая носком пустой кувшин. Тот глухо откатился в сторону. Голова лопалась на черепки, и всё тело как натянутая дрожащая в напряжении тетива. Но я и сам виноват, многое из того, что было сделано мной вчера, напрасно: и выход в зал, и выпитое вино, после которого я погрузился в крепкий сон, и благо, что мне ничего не снилось...

Прошёл на балкон, вдыхая промозглый холодный воздух, щуря глаза, вгляделся в бледное, подвернувшееся тусклым золотом света небо, а внизу, у самых стен замка, стелился туман, плотным покрывалом скрывал низины и лощины, холодной влажной сыростью поглощал зеленеющий лес. Но птицы парили низко, питаясь мошкой, что в сырости собирались облаками, а значит, будет ещё дождь, хоть пока небосклон чист и свеж в столь ранний час.

Я вновь подумал о Грез. С одной стороны, злился на неё и надеялся, что она больше никогда не встретится на моём пути, но с другой, когда буря во мне поутихла, грудь сдавливалось ледяным обручем предвкушения, что увижу её снова. Бред, всё это её чары, об этом не нужно забывать ни на миг.

Дверь в покоях тихо отворилась, и я повернулся, поймав в глубине полумрака взгляд Хавира, что принёс горячий чайный отвар, отвлекая меня от лишних мыслей. Напиток как раз вовремя, разогнать остатки сна и снять боль, налившуюся в затылок. Забрав его у прислужника, велел приготовить воды для купания. Оставаясь в нише, выпил отвар и вернулся в комнату, скидывая рубаху, бросая её на попавшееся первым кресло, прямиком отправился в купальню.

Склонился над струившейся паром наполненной купелью водой, поймал своё отражение. Скованное уродливыми бороздами сторону лица, как клеймо, которое невозможно свести. Ударил кулаком по воде, разбрызгивая, превращая своё отражение в сплошное месиво.

После омовения окончательно проснулся. Пока я собирался, отправил Хавира к Борданту, чтобы тот снаряжался в дорогу. Заворачивать в Урелтон я не стану, сразу отправлюсь по следам Грез. И если не задерживаться нигде, то успею перехватить ведьму. Потому я собрался быстро, облачившись в кожаный поддоспешник со шнуровкой, плотные штаны и высокие сапоги для верховой езды. Но когда был готов выходить, спеша наведаться к отцу, чтобы попрощаться, как в дверь постучали.

Одев привычно повязку на лицо, отворил дверь, ожидая увидеть, в крайнем случае, служанку от мачехи с каким-нибудь поручением или пожеланием, но никак не молодую айтари Реднайру-лар-Бертлот.

Я моргнул, уставившись на неё, медленно перевёл взгляд на стоявшую почти у самой лестницы провожатую, вновь перевёл взгляд на Реднайру. Она попутала дверь? Или намеренно пришла к моему порогу? Только тут я заметил, что молодая девушка выглядела неважно. Видимо, так испугалась, что не спала всю ночь. Глаза чуть красноватые, губы подрагивали, как и пальцы, на этот раз наряд на ней был ещё скромнее, чем в первый раз, когда увидел её. Тёмно-лиловое платье спадало волнами к полу, тугой корсаж сдавливал и без того тонкий стан, делая грудь почти плоской, но это несколько не портило её, напротив — выглядела совсем как девочка, а забранные назад волосы под сетку в тон платья открывали лицо и шею, делая её облик почти изящным. Молчание затянулось.

— Вы кого-то ищите? — спросил первым.

— Да, вас, — прямо ответила.

— Что ж, тогда прошу, — пригласил жестом пройти, хоть и не вовремя, Борданту придётся меня подождать. Держать в дверях айтари было невежественно с моей стороны, как и выводить.

Реднайра, несколько не раздумывая, кивнула, и я широко распахнул дверь, пропуская девушку внутрь. Молодая госпожа глянула на свою провожатую, выражая во взгляде то, что могли понять только они. Но смысл мне уже стал понятен сразу — та осталась за дверью, а Реднайра прошла в мои покои. Смело. Признать, это качество никак не свойственно столько хрупкой и нежной особе. Как и безгласное доверие по отношению ко мне. Грез тоже была смелой, но, в отличие от Реднайры, не испугалась, когда увидела моё обезображенное лицо. Впрочем, ведьма не изнежена чутким родительским присмотром и, наверное, насмотрелась разного, пока жила в Торионе. Прошёл в середину комнаты и развернулся к айтари всем корпусом, конечно, не снимая маски. Реднайра скользила по мне взглядом, в котором читалось больше какой-то озадаченности и тяжести, нежели страха и опасения.

— Я пришла извиниться за вчерашнее, — заявила она.

Я вскинул бровь — такого не ожидал. Не Геовин ли послала свою дочь? Насколько я успел понять, она может брать в оборот любую ситуацию, и даже то, что молодая айтари сейчас передо мной.

— Вам не за что извиняться, напрасно считаете, что в чём-то виноваты, — поправил её тут же. — Скорее, я должен принести извинения за... испорченный вечер.

Реднайра несогласно мотнула головой, зажмуриваясь, волнуясь ещё больше.

— Нет, это всё я. Я всполошила всех и очень сожалею, что всё так вышло, — нахмурила брови.

Я смотрел на неё и думал: всё же доля храбрости в этой девушке явно присутствовала. И этим она подкупала. Если, конечно, храбрость не заходит за границы глупости. Ещё слишком мало я знал её светлость. Но узнавать, признаться, не хотелось, да и некогда было.

— И всё же забудьте, как недоразумение, всё осталось позади, и вспоминать о том незачем, — уверил. — Теперь вы... знаете обо всём. И больше искать отметины не придётся, — не сдержался от улыбки, которой молодая госпожа за тканью маски и не видела.

Кажется, мой ответ её расстроил, айтари опустила взгляд и поникла: тронешь — и осыплет, как отцветшие цветки с куста черемухи.

— Могу я вас... попросить? — вдруг проговорила она окрепшим голосом, посмотрев на меня прямо, без стеснения.

— Я слушаю.

Реднайра быстро облизала губы, явно что-то задумывая. Оглядывая повязку на своём лице.

— Позвольте... посмотреть на... вас...

Сощурился, вглядываясь в её лицо. Зачем? Или хочет вновь проверить свою выдержку?

— Не стоит, айтари. К тому же... — глянул на дверь, в которую тихонько вошёл Хавир — бедняга изгонялся за утро. — К тому же я тороплюсь, — кивнул Хавиру и вернул взгляд на Реднайру.

— Вы покидаете Обиртон? — искренне удивилась девушка.

— Покидаю. Есть срочные дела, которые нельзя откладывать.

Реднайра потускнела ещё больше. Расстроило такое известие? Или госпожа Геовин-лар-Бертлот будет недовольна дочерью?

— И надолго? Ох, простите, — зажмурилась, тряхнув головой, — я не должна, — она дёрнула подбородком и развернулась, чтобы уйти, но я успел поймать её за запястье, которое было слишком тонкое в моей ладони. Реднайра повернулась резко, обращая на меня взгляд. И только тут я уловил тонкий запах роз, исходивший от её волос.

— С моей стороны, — начал я немного тише, — конечно, нехорошо сразу покидать замок и гостей, но... — оглядел её миловидное лицо вблизи, бархатистую кожу щёк с бледными трогательными веснушками, — ...мне действительно нужно отлучиться.

Реднайра смотрела распахнутыми глазами, дыша глубоко и неровно, потом перевела взгляд на мою руку. Кожа перчаток, которые я надел ранее, не позволяли чувствовать прохладу её кожи. Я выпустил девушку, осознавая, что держу её в крепкой хватке, и если бы кто-то зашёл, то подумал бы не самое хорошее. И всё же я испытывал какое-то неуместное неудобство. Но мне и в самом деле не хотелось быть паршивцем пред семьей Бертлот. Хоть соответствовать чьим-то ожиданиям мне никогда не было свойственно.

Реднайра, оправившись, осмысливала сказанное мной, её черты затвердели.

— Тогда... не смею задерживать, — робко и растерянно произнесла. — Извините ещё раз. Доброй дороги, — присев, выпрямилась и направилась к двери слишком рьяно.

Хавир дал ей дорогу, отойдя чуть от порога, у которого ждал моих дальнейших распоряжений. Я усмехнулся. Надо же, а у молодой айтари есть стержень. Если бы не науськивания матери, которая затмевает дочь своей живостью и напористостью, она была бы настоящей жемчужиной.

Поправив перчатки, обвёл взглядом покои, в которых перед выходом успел прибраться, хоть на то есть прислуга, но мне не доставляло большого труда сделать это самому. Жизнь в затворничестве научила меня обходиться без лишней помощи не только в этом.

Махнув Хавиру идти следом, покинули комнату. У лестницы уже никого не оказалось, отправив мальчишку вниз, я свободно прошёл в кабинет отца, дав веление служанке позвать его величество.

Ожидание длилось недолго, отец вышел сам, но вид его оставался неважный и болезненный. Потускневший взгляд, челюсти сжаты, на лбу хмурая складка. Разговор начинался, как и всегда, с одного — предостережений и тревоги. Отец настаивал, чтобы я взял с собой ещё его воинов. Но я не собирался целым войском идти через всю Антхалию, привлекая к себе тем

самым внимание. Наш разговор неожиданно перебила Лиоцин, вошедшая в комнату. Конечно, она не могла пропустить ничего. Вальтор хмуро глянул на неё, когда она прошла внутрь.

— Я всю ночь думал, сын и решил... — обратился вдруг ко мне отец после того, как я поприветствовал мачеху. Мои плечи заметно напряглись, ожидая чего-то нехорошего. Лиоцин тоже насторожилась, с порога вникая в слова мужа. Вальтор твёрдо на меня глянул. — Рисальд отправится с тобой на поиски источника.

— Что?! — возмутилась громко Лиоцин. Бросила на меня ледяной взгляд, взъерошившись. — Хочу напомнить, дорогой, — обратилась к мужу с пламенеющим взглядом, — что проклятие было наложено на род Амгерров задолго до того, как я стала твоей женой, — сказала и тут же скосила на меня взгляд, уколов им.

Я втянул в себя воздух, чувствуя, как сгущаются тучи. Сейчас я был явно лишним в их разговоре, но уйти без позволения не мог.

— И почему ты не задумывалась о том прежде... чем стать моей женой? Кажется, для тебя это не было тайной, Лиоцин? К тому же ничего опасного в том нет, это не война, где смерть ни у кого не спрашивает разрешения, забирая жизни.

Ноздри Лиоцин яростно вздрогнули, она сжала губы в жёсткую линию и следом выпалила:

— Ну нет, Вальтор, я против, — голос её всё же дрогнул.

— Не смей! — рявкнул король, стукнув ладонью по столу, что тот задрезбезджал. Вальтор пригвоздил гневным взглядом вздрогнувшую жену. — Не смей встревать, когда я решил! Моё решение справедливое и не подвергается обсуждению! — отрезал сталью король, смерив тяжёлым взором Лиоцин. — Рисальд поедет с Мортином. Ему пора взрослеть и учиться брать ответственность за свои поступки и жизнь. К тому же сущая несправедливость возлагать на плечи Мортина всю тяжесть нашего бремени, пусть он и старше. В то время когда Рисальд будет пить вино и гулять! — жилы на шее отца вздулись, а взгляд потемнел до неузнаваемости, брови сурово свелись на переносице. — В конце концов, это касается и его тоже. Как бы он ни отгораживался, делая вид, что проклятия нет.

Королева от произнесённых слов побелела. Один-единственный сын подвергается испытаниям, которые могли привести неизвестно к чему. Да и, видно, она уже всё продумала. Пока я буду носиться по всем землям материка в поисках источника, Рисальд благополучно женится на Реднайре, укрепив своё положение, к тому времени, возможно, мне что-то и удастся отыскать, а там и снять проклятие, в то время как положение младшего брата утвердится, и он снимет самые сладкие сливки первым. Лиоцин не удивила, предсказуемо было от неё это ожидать. Слишком предсказуемо, чтобы злиться.

Лиоцин, ослеплённая смятением, поджав губы, сверлила Вальтора взглядом, в котором бушевало, верно, всё Флеанское море. Она выпрямилась и, гордо расправив плечи, благородно промолчала, проглатывая свой яд назад в себя, и было видно, как тяжело досталось ей это молчание.

— Нам лучше отправиться поодиночке, — сказал я, понимая, что отца не переубедить. — Это даже будет на руку всем, так мы можем охватить гораздо больше и побережём время.

Лиоцин едко сощурила глаза, сверкнув свинцом. Я всегда был для неё чужим, а теперь едва ли не враг.

— Поговорим об этом после, когда ты вернёшься, Мортон. Надеюсь, ты отлучишься ненадолго, — чуть смягчившись, произнёс Вальтор, устало потерев пальцами лоб, видимо, его самочувствие ухудшилось.

Я кивнул и поднялся, понимая, что мне всё же пора идти, да и поспешил, чтобы не вызывать своим присутствием раздражение. Поклонившись отцу и мачехе, которая только одарила меня стылым взглядом, удалился.

Спустился вниз, воспользовался чёрным ходом, вышел во внутренний двор под рассветное холодное небо, вдыхая до звона чистый воздух, омытый дождём. В холодной тени, что падала от замка на двор, уже ждал отряд из семи воинов, приготовившись к отъезду. Отдав распоряжение Борданту, какой дорогой двинемся в путь, накинув на плечи плащ, поднялся в седло, взявшись за поводья. Метнул взгляд на серые верхушки башен замка, освещённые яркими лучами солнца, где расположились гости из Софрании и, Реднайра, которая так и осталась для меня непонятной, как древнее письмена варлогов, тайной и тем привлекательной. Но не настолько, как зеленоглазая ведьма, запретная и непостижимая. По телу прошлось пламя, мышцы затвердели, едва представил горианку, явственно ощущая вкус её губ и гладкость кожи под ладонями. Сжав зубы, тронул пятками бока вороного, направляя его к раскрывающимся воротам. Уже через мгновение, Обиртон остался за спиной, а взору открылся чистый, как глаза девственницы, горизонт. Как глаза Грез...

Глава 4

И снова она в мыслях. Сцепил зубы, выкидывая её из головы, пока стук в груди не стал ровнее. Сосредоточился на дороге, подгоняя скакуна. Если на пути не встанут какие-либо преграды, не хлынет дождь, то к предгорью доберёмся на второй день пути. А там и перехвачу Грорса, которому я доверил проводить ведьму. Дорогой я думал о решении отца и о том не совсем тёплом разговоре, случившемся между Вальтором и мачехой. Не хочу, чтобы Лиоцин злилась, отец слаб, в отместку она может напасть. Предчувствие в том укрепилось глубоко, особенно после того, как королева слишком открыто пыталась преподнести Рисальда.

Мой отряд не останавливался лишний раз, только в крайней необходимости: напоить лошадей и справиться нужду, вновь поднимались в седла и неслись по дороге, которая пролегла то через небольшие селения, то через пашни, погружаясь в густые леса, и снова оказывались на просторе, уходящем в залитый солнечным светом горизонт. Ночевать пришлось в одном из дворов Верхота — маленького городка, что стоял на берегу реки Остердайи. Она брала свой исток от гор Самратов. И уже там удалось разузнать, что недавно проходили королевские воины, сопровождающие карету. Только они не стали останавливаться в городе и проехали мимо. От таких известий кровь закипела в жилах. Желание заполучить Грез жгло нетерпением, хлестало плетью. Едва не поднял из-за столов своих воинов, что уже примостились на отдых. Но после тяжёлой дороги перевести дух необходимо было и мне.

Но едва только забрезжил рассвет, тронулись в путь. До предгорья добрались уже к полудню, устремляясь по гористой дороге, что пролегла через лес. И едва мы выехали из него, как впереди показались всадники.

Бордант, ехавший рядом со мной, обернулся, давая знак воинам быть наготове.

— Послать вперёд воинов? — спросил у меня.

Щурясь на солнце, взгляделся во всадников, и уже скоро стало понятно, кто двигался нам навстречу. Сердце ткнулось в рёбра сухой болью.

— Не нужно, — ответил мрачно.

Встретившись с отрядом, Грорс приблизился, и по его хмурому виду я понял, что дела скверные.

— Горианка сбежала, — сказал он.

Я стиснул поводья в кулаках, глядя в чашу, будто мог там увидеть Грез. Мне следовало ожидать, что она уйдёт раньше от моих людей и пойдёт своим ходом. Только ещё больше укрепила во мне гнев.

— Где это произошло?

— Нас застал ливень, и мы остановились на постоялом дворе «Свирепый бык». Она отправилась на отдых, а утром оказалось, что в доме её нет. Я прочесал всю округу, задерживаясь на целый день. Думал поймать её след, но ничего. Никто не видел девушку с ребёнком.

Он и не найдёт, если та пустила свои чары спутать следы. Мысль о том, что я больше не увижу Грез, вспорол грудную клетку. Поморщился, сжимая в кулаках поводья. Найду. Где бы ни пряталась.

— Проклятье, — выругался, вновь посмотрев на дорогу, вернул взгляд на воинов. — Встаём на привал. Нужно кое-что обсудить.

Я должен её найти. Без неё в замок не вернусь. Бордант кивнул, давая знак собраться всем.

Встав на небольшой привал, в первую очередь распределил воинов: часть направится в стороны от дороги. Возможно, Грез, чтобы запутать след, не пойдёт напрямик в горы. Другая часть вернётся в Верхот стеречь путь.

Взяв с собой Грорса и Тавира, отправились вперёд к предгорному тракту "Сви́репый бык". Бордант возглавлял остальных.

Постоялый двор в середине дня пустовал, только сидели за столами несколько мужчин, уставившись на вошедших мутными взглядами, притихли. Управляющий Орух Варт услужливо, понимая, кто перед ним, показал комнату, где ночевала недавняя гостья. Грорс заверил, что комнату оставили нетронутой. И в самом деле была заперта на ключ. Служанка отворила замок, и я вошёл внутрь, оглядывая лохань с водой, что стояла наполненной, неприбранную постель, разбросанные вещи. Всё говорило о том, что Грез очень торопилась, взяв самое необходимое в дорогу. Обойдя помещение, я остановился посередине комнаты. Злость поднималась из нутра магмой, дыхание участилось.

— Быстро же ты добрался, — раздался за спиной скрипучий голос. Повернулся на звук. За порогом стояла ветхая старуха в лохмотьях, сильно опираясь на толстую палку руками, смотрела на меня пристально. И откуда только взялась? — За Грез явился? — издевательски спросила.

При упоминании имени ведьмы я приблизился. Лицо старухи скрывала накинута на голову тряпка, она закрывала глаза, открывая только дряблые губы и покрытый редкими волосами подбородок.

— Ты знаешь, где она? — спросил, смотря на неё свысока с долей брезгливости.

Старуха пошамкала беззубым ртом, повернула голову, будто учуяла что-то, а следом протянула руку с тощими крючковатыми пальцами.

— Заплатишь, скажу.

За спину старухи тенью прошёл Грорс, я взглядом остановил его. Мне нужна хоть какая-то зацепка. Откуда эта старуха знает имя ведьмы и в какую сторону та направилась? Быть может, она разговаривала с горианкой? Но стала бы Грез рассказывать, куда отправилась? А может, нищенка слышала её разговор с ребёнком? Размыслив, я вытащил из поясной сумки монеты, высыпал в раскрытую, изрезанную глубокими линиями сухую ладонь женщины. Глаза даже в тени жадно сверкнули, она быстро сжала плату в кулак и воровато спрятала руку в складках мешковины.

— Говори, что знаешь, — потребовал я.

— Горианка твоя в дороге. Путь её лежит через Лобранское ущелье, что пролегает к самому побережью Фарханского моря. В одном из обозов сейчас едет та, по которой тело и сердце твои сохнут, — сказала и засмеялась противно.

Я сжал зубы, вскипая злостью. С чего она решила это? Грез мне нужна только для одного — избавиться от проклятия. Но спорить с полоумной — только время терять.

— Если солгала, вернусь и убью, — пообещал я.

Бродяжка перестала сипеть смехом.

— Правильно, что бежит от тебя, — вздёргнула острый, как вороний клюв, нос, — чёрствый ты, как гранит, так и остынешь один, — и снова противно засмеялась.

— А ты что тут делаешь, ворона старая?! — голос управляющего заставил старуху замолчать и сжать рот. — Простите, господин, она сейчас уйдёт, — вбежал по лестнице запыхавшийся Орух Варт, схватил старуху за плечо, да та проворно вырвалась и замахнулась палкой на солидно сложенного управляющего, не побоялась.

— Кши от меня, сама уйду, а то нашла на тебя порчу, ни один человек порог этого дома не переступит, — забубнила старуха и поспешила к лестнице, и кормчий пустился следом за ней, что-то бормоча и ругаясь.

Грорс хмыкнул, качнув головой.

— Весело у них тут.

— Иди, проверь, куда пойдёт, — велел ему.

Тот кивнул и направился вниз вслед за Орухом. Постояв немного, раздумывая, я позвал одну из служанок, чтобы сложила все вещи и заперла комнату. Всё же сюда мне ещё предстояло вернуться.

Спустился вниз, найдя Грорса и Тавира, покинул двор, направляясь к Лобранской лощине. По словам бродяжки, если та, конечно, не солгала, Грез должна ехать по торговому пути.

Жар толкался в груди от предчувствия. Всю дорогу внутри что-то необратимо тянуло назад, приходилось бросать силы на то, чтобы заглушить все чувства. Не оставалось сомнений, что горианка все-таки наложила какой-то морок.

Лобранская лощина встретила каменными отлогом, между которым тянулась пыльная широкая дорога, начинающаяся от крупного города Верхота и тянущаяся к самому морю. Уже когда выехали на главный путь, нам пришлось придержать коней — дорога оказалась людной, по ней двигались и кареты, и гружёные обозы, и просто всадники. Я вглядывался в лица женщин, ища в них одну-единственную. Девушки косились в мою сторону и смущённо краснели. Женщины приветливо улыбались, их отцы, мужья и братья кривили губы, прожигая ревнивыми взглядами. Но никто из них не знал, что мне нужна только Грез. Которая среди путников так и не нашлась. Я сминал кулаки и настойчиво продолжал искать, врезаясь взглядом в каждую молодую девушку.

Сердце пропустило удар, когда увидел впереди обоз и девицу в синей накидке, её спину скрывали волны густых волос с особым золотисто-розовым отливом.

Грез.

Ударив пятками коня, оставляя позади своих воинов, пустил его вперёд, обгоняя впереди ехавший гружённый бочками обоз. Кровь толчками бухала в голове, отдаваясь тревожным грохотом в груди. Пока горианка не замечала преследователей. Меня будто глушило волнение и слепая ярость, я не знал, что сделаю, когда настигну её. Внутри бурлили ядовитая смесь из противоречий: нещадно наказать и дикое, разрывающее на части желание сгрести её в охапку и увезти в свой замок, посадить под замок и не выпускать. Что бы она ни говорила, как бы не сопротивлялась, не вырывалась, какие бы проклятия и чары ни слала в мою сторону. Мне было наплевать на это. Только чтобы она была рядом. Потому что, Тёмный бы её побрал, она мне нужна. Я ещё не знаю почему, не знаю зачем. Не мог себе этого объяснить. Она одна сняла, пусть на время, эту чудовищную тяжесть проклятья, что нарастала на мне годами.

В повозке Грез была не одна: сторбленный мужчина и маленький ребёнок в простой одежде сидели впереди. Грез примостилась среди мешков за их спинами. Горианка, видимо, была уверена в том, что я не последую за ней, не утруждала себя оглядываться по сторонам в тревоге и опасении. Так же не видела меня, когда я объехал повозку.

Возничий всполошился, спохватившись немедленно остановиться, когда я почти преградил путь, пуская вперёд коня. Лошадь истошно заржала, приостанавливаясь. Тучный мужик, что сидел на козлах, приподнялся, хотел было выругаться крепко, но, увидев богатое воинское снаряжение, сжал челюсти, натягивая поводья.

— Тр-р-р, да стой ты, кляча! — прорычал сквозь зубы, оглядывая меня хмуро и едко.

Кто он такой, я ещё успею разобраться.

Грез, что сидела за ним, посмотрела на мужчину, верно, ничего не понимая. Я спешил с коня, обогнул повозку и, обхватив Грез за пояс, рывком так, что та пронзительно взвизгнула, ссадил на землю, сдёргивая её с мешков и тюков.

— Папа! — пискнула мышкой.

— Господин, что вы делаете?! — взревел мужик. — Отпустите, отпустите немедленно!

И только тут я понял, что что-то не так. Не тот голос, не тот запах, не те ладони, что упираясь в мои плечи, не та кожа, что была у Грез — свежая, как речной жемчуг. Схватил девку

за подбородок, дёрнул его вверх, заставляя посмотреть на меня. И застыл. На меня взирали карие испуганные глаза, совсем чужие, не глаза Грез.

Это не Грез... Дыхание сбилось и сжало грудь в раскалённые тиски, так что заломило рёбра. Туман рассеялся от мгновенно вспыхнувшей ярости. Проклятье!

— Господин, что вы хотите? Отпустите мою дочь, что вам нужно?! — подступил мужик, багровея и сопя от злости, но слишком близко не посмел подойти.

Я заставил себя разжать застывшие пальцы, выпуская испуганную до одури девушку, что уставилась в немом страхе на моё лицо, сокрытое тканью. Отступил, осматриваясь: проезжие пялились с въедливым любопытством. Мужчина взял свою дочь за плечи и торопливо повёл подальше от меня, вперёд повозки, оборачиваясь, бросая сердитые взгляды, утирая тёкший со лба пот.

Я сухо сглотнул, меня изрядно потряхивало, глянул на мальчишку, что с высоты воза наблюдал за всем. Это не Марсу, этот темноволосый и намного взрослее. И как я мог спутать, не разглядеть?! Увидеть так жаждал, что застелило ум и глаза.

— Что случилось, ваше высочество? — подъехал Грорс впопыхах.

— Это не Грез, — глянул на старшего воина мрачно, а потом посмотрел на удаляющуюся повозку и ошарашенную девушку, жавшуюся к своему отцу, но вскоре поднявшаяся пыль скрыла её от моих глаз.

Вернувшись к своему коню, который уже щипал траву на обочине под тенью деревьев, сорвал с седла фляжку с водой. Сдирая с лица ткань, припал к горлу, сделал жадные глотки, погашая пожар в груди и возникшую сухость во рту, остатки вылил на шею, смачивая грудь в воротах и лицо.

— Так что, соврала старая? — приблизился Грорс.

Отдышавшись, вернул фляжку на седло, натянув ткань до глаз.

— Думаю, что да, — хоть признавать это до горечи не хотелось. — Но будем дальше искать.

Поднялся на скакуна, выбираясь на дорогу, где ждал Тавир. Продолжили поиски. Почти добрались до портового города, но горианка не могла так скоро по такой трудной дороге забраться далеко. Всё сходилось к одному — бродяжка обманула. Добравшись до развилки, где дорога, словно вена, разветвлялась в стороны, дал команду поворачивать назад, поддавшись, наконец, тому, что так тянуло меня. Только время потеряли — Грез не было на этой дороге.

Вернувшись к тракту, я всё же решил объехать местность, побывав в селениях, что были разбросаны у озёр предгорий. Но ничего, никто не видел горианку с ребёнком.

Вконец вымотавшись, повернул в сторону «Свирепого быка», когда на горную долину опустился сумрак, а как только въехали в ворота, стало уже совсем темно. Уставший и злой, передал коня конюшенному. Единственное, что мне хотелось — это надраться до беспамятства, чтобы хоть немного заглушить это давление, на время забыть всё.

Бордант со своим отрядом не вернётся так скоро, а если поспешит, то хорошо под утро. Всё сводилось к одному — ждать.

...Вечером внутри постоялого двора было особенно шумно, конечно, той старухи, что взяла с меня плату и при этом нагло соврала, след простыл. Никто не знал и не видел, куда делась эта полоумная нищенка, с которой хотелось содрать живьём кожу.

Орух Варт чтобы хоть как-то задобрить гостей, видя мой взбешённый взгляд, велел подать на стол сытный ужин, пытаясь услужить столь редким и дорогим гостям. Только мне кусок в горле не лез — так погано ещё никогда не было. Мысль о том, что не найду ведьму, как обжигающее пламя жалило сердце, доводила до бешенства, что хотелось рвать и метать, но где-то внутри я поймал нить спокойствия и крепко ухватился за неё. Завтра прочешу всё предгорье, каждую лощину и дом, не могла она уйти так быстро, да ещё с ребёнком. Грез была где-то рядом, я чувствовал её нутром. Чувствовал её, как тот первый раз, когда она пыталась воздей-

ствовать на меня. Близость ведьмы разжигала кровь, которая будто запомнила то мгновения, впитала в себя всё до капли, распаляла дыхание, сковывая напряжением, вынуждая подняться и броситься на поиски, вынуждая искать, завладеть, присвоить.

Сквозь туман я смотрел на людей, что заполняли зал, слышал гудение множества голосов. Смех, грохот стульев, стук кружек, громкие возгласы, где-то у входа затевалась драка, но я был будто в гроте, отдельно ото всех, и в тоже время замечал и слышал всё, остро чувствовал невольное, будто случайное касание подавальщиц, а после и вовсе ласки и поглаживания. Горячие руки под одеждой дразнили, слух улавливал какие-то слова. Я не помнил, как оказался с одной из прислужниц в каком-то тёмном углу. Гибкое податливое тело, прижимающееся ко мне со всем пылом, разожгли и без того разгорячённую вином кровь, затуманивая голову. Подавальщица остановилась, увлекая меня за собой, повернувшись ко мне, обхватила шею тонкими руками, закинула ногу мне на бедро, призывно потёрлась о моё напряжённое тело своим податливым, соблазнительным. Сложно устоять, держать себя в руках после череды неудач. Хотелось с головой нырнуть в омут. В полумраке она не видела моего лица, а если бы увидела, в ужасе бежала бы прочь. Но вместо этого девка тёрлась о моё тело. Мысли остановили свой ход, только жар, рваное дыхание, срывающееся с губ тяжёлым выдохом, и острое долбящее в пах желание освободиться и сбросить всю усталость и напряжение. Рывком содрал с её груди ткань, которая тут же лопнула с треском, обхватил горячую плоть, с напором огладил и смял.

— Какой горячий, такой голодный, — шептала сладким голосом потаскуха, прижимаясь ко мне ещё теснее, — ...нетерпеливый... господин, а-ах...

Резко развернул её к себе спиной, толкнул к стене так, что она на миг прильнула к ней грудью, чуть повернула голову, улыбнулась призывно и дурманно. Стянул с себя ткань маски, опустив руки на её бедра — и ненужно было говорить, как подавальщица, призывно прогнулась в пояснице, потёршись ягодницами о мой пах, поднимая во мне зверскую волну вожделения. Кровь толчками хлынула по телу вниз к бёдрам. Как бы хотел я видеть на месте этой шлюхи Грез, ласкать её губами, гладить кожу...

От одной мысли об этом голову туманом наполняло, судорогой невыносимой скользило по мышцам, заставляя рычать в нетерпении. Скомкав платье в кулаки, оголяя бёдра распутницы, склонился, давя её своим телом, втягивая в себя запах хмеля, исходивший от её волос. Совсем не то, что я хотел, дешевое быстрое удовольствие, но похоть бурлила в крови необратимо. Служанка продолжала вжиматься, тереться о стеснённую тканью штанов плоть. Она завела руку за свою спину: быстрые умелые пальцы ловко развязала шнуровку, и горячая ладонь коснулась твёрдости. Девушка хотела повернуться, но я не позволил, сжав её шею. И одного желал избавиться — от безумной агонии, выедающего меня изнутри.

Горячие, несдержанные поцелуи. Мимолётный взгляд, водопад волнистых волос, спадающих к пояснице. Смежил веки, выкидывая её из головы прочь, убивая на корню любые позывы, продолжая жёстко сжимать горло шлюхи одной рукой, свободной — истязать грудь, одновременно получая удовольствия от рваных движений сжатой женской руки. Настойчиво, как удары сердца, вторгалась другая. Ласки распутницы стали вдруг омерзительными, не могли заставить меня выкинуть из головы ни зелёные глаза, ни сочные жаркие губы. Только делали хуже. Распаляли вожделение, острую жажду оказаться в тесноте её тела — тела Грез.

Неужели не увижу её никогда?

Эта мысль — как удар под дых. Неужели в моём замке не будет пленительной, пусть и лживой горианки? Снова предстал образ Грез. Только на этот раз я видел вовсе не насмешку в её глазах, а испуг. Явственно ощутил, как она вжимается в моё тело и ищет опору. Желание защитить её, спрятать, не отдавать пронеслось ураганом в груди, сжимая горло так, что пропустил вдох. Служанка застонала, вторя своим движениям, причиняя короткими рывками руки едва ли не боль. Я с рычанием стиснул её запястье, вынуждая разжать пальцы, отводя руку,

выпустил её и отступил на шаг. Меня штормило, как после лихорадки. Грохот крови в висках, болезненная дрожь разнеслась по телу волной. Только сейчас понял, где я и что намеревался сделать.

Шум из зала приглушал тяжёлый занавес, что закрывал нас от посторонних глаз.

— Что-то не так, господин? — неровным голосом, приходя в себя от моего натиска, взволновалась подавальщица, поправляя сбившееся платье, пряча грудь. Сцепив зубы, я одёрнул одежду и отступил, откидывая рывком занавес. — Господин! — позвала девка, но не посмела идти за мной.

Я вылетел к лестнице, но вниз не стал спускаться. Проще прыгнуть с обрыва в пропасть, лишь бы избавиться от мути, что душила меня. Лучше быть одному... Тряхнул головой. Кажется, с крепким мне нужно завязывать, только ещё хуже делалось. Поймал себя на том, что едва ли не срываясь на бег, ступал быстрым широким шагом прочь ото всех. Остановился резко. А следом опустил голову и засмеялся, вздрагивая плечами, сначала себе под нос, а потом во всё горло безудержно захохотал. Я точно рехнулся, позволив этой проклятой торговке управлять собой. Смех резко оборвался, и на его место хлынул не знающий краёв гнев. Сжал кулаки до хруста. Кажется, там, внизу, затевалась драка — единственный способ выбить из себя всю дурь.

— Ваше высочество! — запоздало ударил по слуху знакомый мужской голос откуда-то со стороны, я обернулся, прищуриваясь на свет ламп, вылавливая в полутьме широкоплечую фигуру, облачённую в плащ.

Бордант? Вернулся? Это был и в самом деле он, всполошённый и неизменно хмурый.

— Докладывай, — велел тут же, напрягаясь и трезвея разом.

— Мы нашли её след.

Глава 5

Этой ночью под открытым небом было холодно спать, хоть я и завела повозку за каменный отлог. Но купленные в селении, которое мы вчера проезжали, одеяла спасли. Мы с Марсу спала прямо в повозке, которую я приобрела в том же селении, и сразу двинулась дальше. Оставаться там было неразумно: во-первых, по словам вешуньи, меня преследовал Мортон Амгерр, а во-вторых, слишком много подозрений я вызвала у жителей предгорий. Откуда у одинокой молодой девушки столько монет? За мной вполне могли пойти и ограбить, поэтому я не стала задерживаться и быстро покинула селение, съезжая с дороги, затерявшись на одном из множеств других путей.

Зябко поёжившись, оглядев погружённый в туман скальный отвес и прозрачное чистое небо, сбрызнутое ещё слабыми рассветными лучами, глянула на спящего брата, вспоминая ту ночь, когда мы бежали из трактира и попали под сильный ливень, который пришлось переждать в скальной расщелине, которую я чудом заметила. Потом долго шли пешком, едва ли не целый день, прежде чем набрести на жилища и купить лошадь с повозкой. Марсу терпел и не просил есть. Конечно, был расстроен тем, что нам пришлось оторваться от королевского отряда.

Поправив одеяла, укутывая брата теплее, я поднялась с постели, выстеленной из свежего сена, взяла всё необходимое, чтобы разжечь костёр и приготовить что-нибудь на завтрак. Лошадь, которую я привязала у старой сосны, завидев меня, начала рыть копытом землю, выпрашивая зерна. Насыпав ей немного лакомства, быстро собрала ветки, разожгла костерок и отправилась за водой, что журчала неподалёку от нашей стоянки. Набрав из мощно бьющего ключа, подняла голову. Отсюда было видно верхушку горного хребта, облитую тёплым солнечным светом. По спине мурашки пробежали — что ждёт нас впереди, одним Светлым известно.

Вернулась к костру, поставила котелок, и пока вода не забулжила, нарезала и засыпала сушёных грибов, добавив и крупы. Вкусный маслянисто-пряный запах заструился по воздуху. И пока готовилась еда, я думала о том, что прежде чем углубиться в горы, нужно будет ещё запастись припасами, ведь кто знает, на сколько переход затянется, и встретятся ли мне ещё селения. По словам той женщины, что продала мне тёплые вещи, селений здесь раскинуто множество. Люди вдали от моря живут вольно и тихо, укореняясь на земле, они добры и приветливы. Даже скользнула мысль остаться здесь, так легко тут дышалось, так хорошо. Но только это опасно. Я ещё недостаточно далеко ушла, чтобы быть в безопасности.

«Да, Грез, суждено тебе уйти далеко от дома, от родной деревеньки». Но ничего, я справлюсь, бывало и хуже. Главное, что Марсу теперь рядом со мной.

Обернулась, и моих губ тронула улыбка. Марсу слез с повозки и шёл к костру, потирая кулачками глаза.

— Выспался? — протянула руку, ободряюще огладила его плечо.

Мальчик кивнул. Мы сели на подстилку завтракать в укутывающей нас со всех сторон глуши. Это не в шумном с непроходимыми улицами Торионе и даже не в замке Урелтон, хоть тот тоже у Светлого за пазухой. И всё равно как бы спокойно ни было, я всё же опасалась. Мало ли какие дикие звери могут на нас набрести или, того хуже, бродяги. Для них я очень лёгкая пожива.

Позавтракав, я всё собрала, помыла посуду, разбила догоревший костёр, впрягла лошадь — уж этому я научена с детства, у нас была лошадь, на ней мы отправлялись с отцом на мельницы, а потом её, конечно, пришлось продать...

Взгромоздившись на повозку, тронула кобылку, выводя её из нашего временного укрытия, погнала по почти заросшей травой дороге.

За пол дня, что мы пробыли в пути, нам никто не встретился, казалось, эти места были совершенно дикими и безлюдными. За очередным перекатом холма, что становились всё круче

и выше, высились горы. Огромные лесистые и неимоверно высокие. Марсу с воодушевлением смотрел на сизые выси, всё время что-то спрашивал, я отвечала, правда, многого и сама не знала. За болтовнёй не заметила, как дорога стала ухабистой, пока повозку не начало потряхивать. Скоро на лошади сложно станет передвигаться, если не найти проторенного пути. Проехала ещё немного, и впереди блеснула среди перекатов взгорий узкая, с тропу, река, вдоль которой показались и крыши каменных домиков, а судя по дымящимся трубам — жилые. Недалеко на склоне паслись овцы. Пастух сидел у костра в тени раскидистого клёна. Подумав немного, направила лошадь к нему. Следовало сначала всё разузнать, а уж потом ехать к реке. Лохматый серый пёс, почуяв чужаков, залаял уже издали, вынуждая пастуха всполошиться. Им оказался мальчишка не старше Хавира. Он, завидев нас, вышел. На солнце вспыхнули рыже кудри костром, парень прищурился, всматриваясь в чужаков, а когда понял, что опасности нет, двинулся нам навстречу, прогоняя взволнованного пса прочь.

Марсу пересел вперёд, я натянула поводья, останавливая лошадь. Рыжий мальчишка оглядывал нас с невозмутимым спокойствием, будто для жителей этого селения не было в диковину увидеть чужаков.

— Добрый день, — поприветствовала парня, — что это за деревня, можешь сказать?

— Ортонд, — ответил мальчик, с интересом посмотрев на Марсу, а тот в свою очередь внимательно изучал местного паренька.

— А есть кто старшие в деревне, с кем не можно поговорить? Я приехала... — запнулась, едва не выдав, откуда я, — ...издалека, мне нужно на время жильё.

— Глава ушёл в горы ещё два дня назад, у него там дела. Дома матушка, но она тоже сейчас занята.

Я даже плечи опустила от досады, понимая только одно — разговаривать не с кем.

— И что же мне делать? С кем я могу договориться? Мы очень устали, и нам нужен хороший отдых.

— Со мной, — сказал так невозмутимо и обыденно пастух, что я не могла не улыбнуться серьёзности этого мальчика. — Я младший глава. Меня зовут Агис Бирторн.

Вот как?! Мы переглянулись с Марсу. Значит, этот парень за старшего? Впрочем, неудивительно, жизнь на земле, когда целое хозяйство на плечах, вынуждает взрослеть быстрее. И тому примером я сама.

— Какое сильное имя — Агис Бирторн. Тогда можешь мне помочь, а я в долгу не останусь.

Мальчик гордо и важно, выставив грудь, глянул на лежащих в траве овец, поднёс руку к губам и свиснул так громко, что я вздрогнула от неожиданности, а Марсу весело заулыбался — его явно это позабавило. Из травы под клёном поднялся ещё кто-то, и, оказалась, это девочка, такая же рыжеволосая, как и пастушонок.

— Это моя сестра, — пояснил парень и махнул малютке, ровеснице Марсу.

Та только сонно зевнула, хмурясь на то, что её отдых побеспокоили. Агис Бирторн деловито прошёл к повозке. Я быстро подвинулась, а парень ловко поднялся в телегу, по-хозяйски плюхнулся рядом. Мы с Марсу обменялись улыбками, ничуть не против такого отзывчивого провожатого.

— Поворачивай во-о-он туда, — указал Агис, и я, конечно, последовала его указанию, полагаясь целиком на младшего главу селения.

— А старший точно не будет против?

Бирторн нахмурился — мои сомнения явно его обидели.

— На грабителей вы не похожи, — рассудил он по-своему, явно разбираясь в пришлых. — Нам туда.

Я понукала лошадь, направляя туда, куда указывал сын старосты. И уже вскоре мы оказались у неглубокого, по щиколотку, ручья, на берегу которого возвышалась старая деревян-

ная и порядком прогнившая мельница. Видимо, когда-то кормила всех, но вода ушла. Над ней на вершине холма такой же небольшой высокий домик, стены которого облеплял дикий виноград. Сама мельница была в стороне от жилых домов. Но это даже и на руку — никто не будет беспокоить попусту. Тем более тут я останусь ненадолго: только немного отдохнём, запасёмся необходимым, узнаем дорогу и дальше в путь. А может — вдохнула волнительно — и останемся здесь, кто знает. От отряда я оторвалась, вряд ли теперь меня станут искать в таком захолустье.

Внутри дом оказался вполне жилой и даже уютный, хоть комната одна, не считая чулана и небольшой узкой лестницы, ведущей на чердак. Но наверху тоже оказалась летняя комнатка с настоящей кроватью, на ней могут вполне уместиться двое, а мы с Марсу так точно! Всю эту скромную обстановку скрашивал большой камин. Из мебели добротное широкое кресло возле очага, рядом стол и стулья, у боковой стены — комод. И невозможно было не влюбиться в это место. Заглянула в окошко и застыла в восторге: отсюда видно всю деревню как на ладони, и людей, что хлопотами во дворах. Распахнула створки, звуки со стороны селения полились внутрь потоком: лаянье псов, крики петухов и блеянье коз. Напомнили мне жизнь в Шадоре. Мою когда-то спокойную жизнь. Марсу отправился сразу наверх, притих.

Агис понял, что я остаюсь, отступил к двери, собираясь уходить, я полезла в свою сумку.

— Плату потом, как только старший вернётся, или передайте матушке моей Дорин Бирторн. Но теперь только завтра.

— Хорошо, — убрала сумку. — Спасибо.

Агис смущённо пожал плечами и не стал больше задерживаться, выскочил в двери.

И как только она затворилась, я обернулась, оглядывая деревянный потолок, слыша возню наверху. Я не стала тревожить Марсу, видимо, что-то нашёл для себя интересное, пусть играет, сколько хочет, да и дел у меня ещё много. Распрячь лошадь, напоить и привязать щипать молодую травку, перенести вещи и, конечно, приготовить поесть на вечер. Потому, скинув плащ и подсучив рукава своего старенького платья, я принялась за дело.

К вечеру, едва я успела собрать дров, как набежали тучи, полил дождь.

— Вовремя же мы нашли кров, — сказала уплетающему за обе щёки кашу Марсу.

Положив полотенце на стол, села напротив брата, пододвинула свою чашку к себе. И не верила своему счастью, что всё снова, как и прежде. Мы вдвоём. Вздохнула, но тут же тень налегла сетью, тяжестью заворачивалась в груди, едва вспомнила об Амгерре. Может, бродяжка что-то напутала? И наследник Антхалии наслаждается сейчас властью в полной мере? Зачем ему меня преследовать?

— А мы больше никогда не вернёмся в замок? — вдруг спросил Марсу, будто мысли мои прочёл.

Я выпрямилась, перестав пережёвывать пищу.

— Нет, Марсу, туда мы не вернёмся, — ответила немного строго.

Марсу сразу сник.

— И даже через столько? — он показал свободной рукой четыре пальца, подогнув большой, я хотела бы улыбнуться, но не смогла, слишком ещё остры и свежи были воспоминания дней в Урелтоне. А вот Марсу, кажется, скучал.

— Даже через столько, — выдохнула. — Но когда ты подрастёшь и станешь сильным, ты можешь сам принять решение вернуться в Торион...

Марсу подумал немного, смешно сжимая губки, поднимая взгляд к потолку и тут же качнул головой:

— Я не брошу тебя.

Я всё же улыбнулась, но внутри хотелось плакать непонятно отчего, даже веки щипало. Быть может, от такой заботы такого маленького человечка.

— Кушай, милый, и набирайся сил, чтобы ты вырос храбрым и тебя все боялись.

— Как господина Амгерра? — прищурился хитро он.

Я так и опешила.

— Нет, я не то хотела сказать, — тут же поправила его, качнув головой, — чтобы ты сам мог постоять за себя.

Марсу кивнул, соглашаясь, и поднёс ложку к ротику. Больше не задавал вопросов. А моё сердце почему-то налилось тяжестью, и стало тугим дыхание.

Пужинав и вымыв посуду, я искупала Марсу и повела его спать. Дождь к этому времени стих, но всё равно наверху был слышен шелест. Правда, для Марсу это не помеха — малыш быстро уснул: эти дни для нас были слишком тяжелыми. Оставив всё же гореть лампу, не стала закрывать и дверь на случай, если всё же Марсу проснётся и напугается, когда обнаружит, что меня нет рядом. Спустилась вниз.

За целый день никто не пришёл полюбопытствовать, кто прибыл в Ортонд. Затворившись на засов, скинула платье, которое ещё нужно было выстирать, налила из чугуна горячей воды в лохань, разбавив холодной, смыла с тела дорожную пыль и усталость. Освежившись, постирала вещи, и уже вскоре потянуло в сон.

Я отправилась спать. Камин нагрел комнату и наверху так, что даже пришлось приоткрыть окошко, впуская дождевую прохладу. Расчесав подсохшие волосы и надев сорочку, скользнула под одеяло, крепко обняла брата, поцеловав в тёплый висок. Опрокинулась на спину и прикрыла веки. Не заметила, как провалилась в сон, окутанная спокойствием и ночной тишиной.

И где-то из глубины я слышала чей-то смех, но очень вскоре поняла, что это был смех мужчины, смех Амгерра. Глубокий, заразительный. Удивление, охватившее меня, быстро улетучилось, когда Мортон вдруг вышел из тени зелёного дерева, подступил ко мне и сковал объятием, так просто и беззаботно, будто делал это не раз, что я задохнулась от того, сколько мощи в его теле, его руках. Мимолётная улыбка коснулась его губ, лицо в тени от падающих на скулу волос делали густо-серые с серебристыми крапинами, почти искрящимися. И в то же время взгляд под разлётом бровей был серьёзный, как и всегда, чуть строгим, с отпечатком какой-то терпкой горечи, известной только его сердцу. Неудержимо захотелось узнать, что же скрывается за ней, какие мысли, желания, слова, будто застывшие на его красивых губах. Но Амгерр молчал, продолжая изучать меня, обжигая ненастным, полным какой-то грусти и ожидания взглядом, от которого жгло кожу и металось дыхание в груди. Его лицо было чисто от проклятия, и губы такие манящие. "Это ведь сон", — колыхнулось на краю сознания понимание. Ничего ведь не будет, если я... если...

— Поцелуй меня, Грез, — протянул он грудным бархатистым голосом, произнося моё имя так ласково, что по телу пробежались мурашки.

Как же давно я не слышала его голоса... Не выдержав, потянувшись всем естеством, но в следующий миг откуда-то со стороны хлынул ледяной ветер. Небо померкло, зашелестели злое крона, нас начала поглощать тьма. Я вернула взгляд на Мортон. На неизменно строгом лице Амгерра потянулись следы проклятия, полностью захватывая одну сторону лица, взгляд мужчины стал твёрдым и холодным, как лёд. Пальцы, которые ещё миг назад так нежно сжимали меня, стали жёстче. Я дёрнулась, чтобы вырваться, но Мортон не позволил. Поднявшийся ураган хлестнул потоком по щеке, разметав мои волосы, облепляя паутиной лицо, и сквозь них я видела, как проклятие пошло на лоб и скулы мужчины, корка проступала на шею, оплетая уродливыми наростами всё больше грудь. Амгерр изменился до неузнаваемости, теперь на меня смотрели жуткие, налитые тьмой глаза. Нет, это был уже не он! Не Мортон. Тьма поглотила, забрала его себе.

От этой мысли боль потери ударила кинжалом прямо в сердце. Я закричала, только не слышала собственного голоса — крик застрял где-то в горле. Чудовище склонилось ближе.

Я резко вскинулась в постели, мгновенно пробуждаясь.

Дыша часто и тяжело, глотая лихорадочно воздух, ощущала, как по телу растекалась болезненная дрожь, сводя мышцы. Что это? Смяла в пальцах одеяло, злясь, что Амгерр снова явился во сне. Коснулась груди, будто и в самом деле меня могло ранить неизвестно что. Нельзя допустить его к себе. Нельзя!

Отдышавшись, убрала с лица волосы, перекинув их на плечо, и застыла. Постель рядом со мной оказалась пуста. Сердце пропустило удар, я схватила край одеяла, сдёрнула его. Марсу! Вскочила вихрем, заглядывая в окно. У самого горизонта едва показался край восходящего ослепительного солнца. Оторвавшись от окна, бросилась из комнаты, вылетела на лестницу.

— Марсу! — позвала брата.

Светлая Мать, куда он делся?! Сбежала с порога, пронеслась к двери и едва не споткнулась, когда дверь вдруг отворилась, и на порог вошёл... мужчина! Я так и вросла в пол, не зная, что и делать. Он широко распахнул створку, и внутрь вбежал Марсу. Я заморгала часто, не понимая, что происходит, и кто этот незнакомец.

— Грез, Грез, а я пас овец с Агис, как настоящий пастух.

Что? Мои глаза округлились.

— Почему ты ушёл молча? — строго спросила, сердясь, хмуря брови.

— Я не хотел тебя будить, — сразу поник брат.

Я закусила губу, укоряя себя за то, что напала сразу. С Марсу я, конечно, ещё разберусь, а вот... Я спохватилась, поздно понимая, что стою перед незнакомцем в одной сорочке. Обхватила себя руками, прикрывая грудь под тонкой тканью. Но мужчина нисколько не пошевелился, с любопытством наблюдая за нами. За окном вдруг залаял пёс, и Марсу бросился к двери, вновь скрылся за ней, я и слово не успела сказать. Захлопнула рот.

— Какой хороший у вас брат, — сказал незнакомец, возвращая взгляд, который не слишком скрыто скользнул по мне.

Я сжала губы плотнее, сама же виновата — выскочила, в чём была. А этот гость даже не соизволил постучать, вошёл, как к себе домой. Мои щёки тут же вспыхнули — а может, это и ест его дом? А я тут расхозяйничалась.

— Простите, мне нужно одеться, — пролепетала, засуетившись.

— Не утруждайтесь, уже ни к чему, — улыбнулся как-то странно, а я готова была сквозь землю провалиться, — я уже скоро ухожу. Просто хотел посмотреть, кого мой братец приютил на сей раз.

Братец? А этот незнакомец тогда кто? Неужели тот самый старший Глава? Я оглядела гостя ещё раз более пристально. Такие же рыжеватые, но коротко стриженные волосы, чуть грубоватое лицо с карими, широко посаженными глазами, его черты смягчали тёмные крапины веснушек на загорелом носу и скулах. Молодой человек явно пребывал на солнце днями, только кожу почти не брал загар, оставляя лишь неровную красноту. Я всё же схватила платок, что висел на спинке кресла, и быстро накинула его на плечи, закутываясь. Только он не грел — прохлада утра студила босые ноги.

— Но вижу, что всё в порядке, — приподнял бровь мужчина, продолжив, — а то, знаете, много людей разных проезжают мимо нашего селения. — Что это за люди, я не стала уточнять, да и не до того было — слишком неудобно чувствовала себя под вниманием незнакомого мне человека. Мужчины. И поскорей бы он ушёл. — Что ж, мне пора, — сказал после некоторого молчания. — Если что нужно — обращайтесь, двор наш найдёте сразу, он почти у самой дороги на въезде в селение, да и домов не так много, любой подскажет, — проговорил мужчина, удаляясь, — ах да, я совсем забыл представиться. Моё имя Гебвис Бирторн.

— А моё...

— Грез, — улыбнулся шире, явно довольствуясь моим замешательством, — я услышал от вашего брата. — Прикусила губу, укоряя себя за оплошность. Нужно было заранее поговорить

с Марсу о том, чтобы не выдавать себя. Но теперь уж поздно. — Всего доброго, — попрощался он, — располагайтесь настолько, насколько пожелаете, этот дом в вашем распоряжении.

— Спасибо, — ответила я, поведя плечом.

Мужчина развернулся и покинул дом. А я, наконец, выдохнула. Залаял громко пёс снаружи, видимо, радуясь вернувшемуся хозяину, и когда лай удалился, я выглянула в окошко. Марсу, что стоял у покосившего плетня, провожал взглядом удаляющуюся повозку. Он развернулся и направился в дом. Наказав ему, чтобы больше не покидал стены без моего ведома, мы позавтракали, а после я принялась за сборы. Нужно было покормить лошадь и перетряхнуть вещи, которые попали под вчерашний вечерний дождь.

Утро было уже в самом разгаре, когда, разделавшись со всем, всё же решила пойти в селение, навеститься к самой хозяйке и старшему главе, хотя не думала, что такой молодой мужчина может держать всё селение. В Шадоре наш староста имел огромный опыт, настрогав троих сыновей, которые помогали ему держать всю деревню, а этот парень во внуки ему годится. А он уже Глава! Я фыркнула. Надев выстиранное платье, вспомнила о ночном кошмаре.

И это горькое ощущение пустоты, как сквозная дыра в груди. Может, с Амгерром что-то плохое случилось? Сердце невольно дрогнуло, и снова прежняя тяжесть навалилась на грудь плитой так, что дыхание задержалось в самом горле. Не хочу о нём думать. Поскорее бы забыть этот кошмар, который я пережила в разлуке с братом. И всё равно мысли о днях в Урелтоне так и лезли в голову. У него должно быть уже состоялось это его важное событие, о котором Амгерр так переживал. Разозлившись порядком на себя за то, что не могу управлять своими мыслями, собой, в пылу я не заметила, как собралась.

Мы покинули дом и направились к селению, спускаясь по крутому склону, поросшему густой травой, что достигла уже колен. И пока дошли, промокли от обильной росы, хоть подол выжимай. Селение оказалось не таким и маленьким, как виделось издали, в каждом доме своё хозяйство: куры, утки, козы, у кого-то телеги, а значит были и лошади не только у одного Главы. Завидев нас, люди отрывались от дел, смотрели с интересом. Я спросила у женщины, что вышла к воротам с лоханью стираного белья, где дом Дорин Бирторн.

— Я и есть, — улыбнулась женщина, ставя лохань на землю, обтирая руки о передник.

Оглядела внимательней чуть вытянутое лицо, рыжеватые пряди выбились из-под хитро сплетённого платка вокруг головы. Одета в домотканое серое платье и тёмный передник.

— Я Грез.

— Уж поняла, — вновь подхватила удобнее свою ношу, — проходи в дом, — кивнула на дверь, развернулась и пошла к порогу.

Взяв за руку Марсу, я направились было за ней, но брат остановился.

— Можно мне туда, Грез? — попросился он, указав в сторону, где собралась местная детвора. Я не стала ему запрещать, в конце концов, он и так всё время рядом со мной, и ему хочется поиграть.

— Только не убегай далеко, — предупредила.

Марсу кивнул, повеселев разом, и бросился к остальным детям. Я повернулась к дому и заметила, что телега стояла во дворе, а значит глава Ортонда был дома или где-то поблизости. Выходит, эта женщина — его мать? Но раздумывать было некогда, поспешила за хозяйкой.

Дом оказался большой не только снаружи, но и внутри просторный: каменные стены и очаг, на полу чистые ковры, добротная мебель, но без излишеств, единственные украшения — это олени рога над камином. Везде чистота и порядок.

— Прходи, не бойся. Я сейчас, отнесу только, — Дорин прошла в другую дверь, где, судя по вкусным запахам, была кухня. Вернулась она почти сразу, вытирая руки полотенцем, прошла ко мне.

— Я принесла плату за ночлег, — полезла я в сумку, доставая отложенные лиры.

Женщина не стала долго раздумывать — приняла плату.

— Можешь оставаться, сколько хочешь, — ответила она просто, будто не раз произносила эти слова, и я не первая их гостя.

— Не знаю на сколько, но ещё на одну ночь точно останусь, — всё же как мне ни хотелось, а задерживаться в предгорье не стоит. — Я бы хотела приобрести кое-какие вещи, — продолжила я, вспоминая, что хотела спросить.

— Селение наше не такое и богатое, как видишь, если это что-то из вещей, то нужно тебе ехать в Гортонд, там и приобретёшь всё, что тебе нужно. Мой сын как раз собирается туда, если хочешь, можешь отправиться с ним.

— С удовольствием возьму.

Я вздрогнула и резко обернулась на голос мужчины. В дверях стоял Гебвис. Положив топор на лавку, прошёл к Дорин, чуть приобнял по-сыновьи за плечи свою матушку. И удивительно, как похожи они. Что ж, отказываться было глупо, в провожатом я очень нуждалась, с ним не заблужусь точно.

— Я выезжаю прямо сейчас, — обратился ко мне Гебвис, — только возьму кое-какие вещи.

— Пока он собирается, — повернулась ко мне Дорин, проводив сына взглядом, — ты можешь подождать тут, хочешь, сворю чайного отвара? — любезно предложила женщина.

— Не нужно, спасибо, не хочу вас утруждать.

— Но что ты, мне нетрудно.

Было неудобно. Да и наверняка будет спрашивать обо всём. Но Дориан оказалась очень осторожной в разговоре женщиной, хоть её глаза выражали интерес, но выпытывать она ничего не стала. И, к удивлению, разговор сам завязался. Пользуясь случаем, я расспросила её о дорогах и ближайших селениях, она всё в подробностях мне объяснила и рассказала, что сама знала, а знала она не там много — далеко жители Ортонда не ходили, живя в предгорьях с не так уж и давних пор.

Вскоре вернулся Гебвис. И не один. В зал вслед за мужчиной спустилась девушка. Молодая, но под уставшими глазами пролегли тени, а тонкие губы, очень бледные, делали её вид каким-то болезненным. И только потом мой взгляд скользнул вниз к её животу, который заметно выпирал под слоями одежды.

— Ты тоже собралась, Лири? Не тяжело будет трястись? — спросила немного прохладно Дорин, хоть и проявила заботу.

Та, вперив в меня взгляд, вздёрнула подбородком.

— Нет, матушка, не тяжело, — ответила, не отрывая от меня взгляда, а мне вдруг стало не по себе. Моё появление здесь было лишним.

Помолчав немного, переглядываясь, Дорин всё же поспешила к двери, а за ней все остальные. Вышли во двор, и пока Гебвис выводил лошадь к воротам, первым делом я нашла Марсу и позвала его. Кажется, он сразу влился в игру. Я улыбнулась — всегда найдёт себе друзей, если бы только мы не перемещались каждый раз...

— Ну можно ещё немного! Чуть-чуть! — выкрикнул даже, не приблизившись, братик.

И как теперь его забрать? Серdito пождала губы.

— Да пускай играет, а я, если что, присмотрю, — появилась за моей спиной Дорин. — Они тут всеми вместе, со двора никуда не уйдут.

Я безысходно посмотрела на шумную толпу детворы, вздохнула. Поблагодарив хозяйку, поднялась в телегу, Гебвис помог забраться, хоть в том и не было надобности. Конечно, в ответ получила вьедливый взгляд молодой жены Главы, что уже сидела на своём почётном месте рядом с мужем.

Тронулись в путь. Я отсела почти к самому краю телеги, чтобы не тревожить своим присутствием беременную женщину. По дороге никто не заговаривал, только слышен был скрип деревянных колёс и грохот щебня. Я смотрела на проплывающие мимо нас перекаты, щуря

глаза на даль, любуясь сизыми вершинами холмов и тёплым лазоревым небом. Земля от вчерашнего дождя просохла быстро, а когда отъехали от селения, дорога вовсе стала сухой и пыльной. И недолгой.

Гортонд оказался настоящим городом, лежащим на берегу, как сказал Гебвис, который заговорил под конец пути, реки Остердаи. Приблизившись к главным городским воротам, мы въехали вместе с другими повозками, что прибыли каждые по своим нуждам. Далеко отъезжать не пришлось, потому что торг начинался прямо от ворот и тянулся до самой середины крытой площади. Я слезла на землю, оглядываясь. Голова закружилась от суеты и шума. Людей здесь оказалось целое море — не протолкнуться. Даже в груди воздух задержался от волнения, как давно я не была в столь людном месте.

Гебвис бодро слез, а вот его жена осталась на повозке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.